

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена

Крепость живых

Николай Берг
Ночная смена. Крепость живых
Серия «Мир «Эпохи мёртвых»»
Серия «Ночная смена», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643895
Крепость живых: Альфа-книга;

Аннотация

Николай Берг – псевдоним российского писателя, работающего в жанре боевой фантастики. Автор – большой знаток огнестрельного оружия и завсегдатай оружейных форумов. По профессии Николай врач, в разгар эпидемии коронавируса он на передовой. Как писатель стал известен благодаря трилогии «Ночная смена», написанной по миру Андрея Круза «Эпоха мёртвых». Пользуются популярностью также его книги в жанре попаданчества.

Роман «Крепость живых» – первая книга цикла «Ночная смена». Накрывший мир зомби-апокалипсис многих застал врасплох. Вместо вакцины от всех болезней на Земле появился смертельно опасный вирус, превращающий умерших людей в зомби. Армия мертвых атакует выживших, превращая их в себе подобных, а тем приходится держать оборону. Главный герой, врач по профессии, – в числе тех, кто укрылся за стенами

Петропавловской крепости, которая на долгое время станет оплотом для оставшихся в живых людей. Подробности истории – в книге.

Содержание

Ночь – начало прихода Беды.	6
Утро первого дня Беды	11
Утро второго дня Беды	103
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Николай Берг

Крепость живых

Фанфик к «Эпохе мертвых» А.Круза.

(Любые совпадения чего бы то ни было с кем бы то ни было являются случайными. Весь текст – сугубая фантазия.)

Ночь – начало прихода Беды.

Ночное дежурство обещало быть с сюрпризами – в одной из бригад «Скорой помощи» заступил молодой специалист, к которому накрепко прикипело прозвище «Басаев». Уж на что Светка Куренкова была доброжелательным и спокойным диспетчером, но даже ее он сумел довести до белого каления.

«Да это же Басаев какой-то – как он на дежурстве, так теракт вместо дежурства получается!» – в сердцах высказалась она после очередного художества. То ли потому, что врач был брюнет с юга, то ли потому, что из-за ранней и обширной лысины он брил голову и носил бороденку, то ли потому, что явно наркоманил – но кличка прилипла намертво.

Выгнать его было невозможно – даже и потому, что за него ходатайствовали с такого верха, который обидеть никак нельзя. Начальство выбрало соломоново решение: «Басаева» посылали только на самые примитивные, наипростейшие вызовы. В водители ему дали меланхоличного «дважды Теодора Советского Союза» – Теодора Теодоровича, дорабатывавшего последний год до пенсии.

«Хорошенькая парочка никудышников получилась», – съехидничал на эту тему патриарх подстанции Гарифуллин. Ну, совсем назвать никудышником Теодора Теодоровича было бы нельзя, но все знали, что он едет куда бы то ни было

вдвое дольше, чем любой другой водитель. Тот же Гарифуллин утверждал, что пешочком с отдыхом и беседами он доберется быстрее, чем с «Дважды Теодором». Предлагал побиться об заклад, но все поопасались. Действительно – проиграть было легко.

Сейчас парочка никудышников отправилась на вызов к Безмозговой. В диспетчерской нависло ожидание. Безмозгова была тоже легендой. Сухонькая маленькая старушонка, полностью соответствовавшая своей фамилии, очень любила лечиться. Она постоянно вызывала «Скорую помощь», особенно ночью. Это было еще до того, как Гарифуллин пришел на подстанцию молодым специалистом, и продолжалось уже лет тридцать.

Гарифуллин утверждал – со слов своих коллег еще того, «досюльного времени», – что бог на самом деле сначала создал Безмозгову, а уж потом – Адама и Еву.

Сначала бабушку считали просто головной болью, но потом оказалось, что эта «ровесница крейсера “Аврора”» и «ветеран Куликовской битвы» отличается от ей подобных в выгодную сторону: она одинаково воспринимала любые методы лечения, и ей было без разницы, сделали ей йодную сеточку или забаббахали магнезию внутривнутрипочечно – главное, чтоб лечили.

Поэтому она стала своеобразным полигоном для молодежи, и многие поколения фельдшеров и врачей отрабатывали

на ней свои навыки.

Сейчас на традиционный вызов бабки отправился «Басаев». С одной стороны, бабка выдерживала такое, о чем предпочитали не знать ни начмед, ни главврач подстанции.

Чтоб не поседеть сразу и не рехнуться...

С другой – все знали, что «Басаев» – может невозможное.

Ну, и конечно, он отмочил. И как отмочил!

Звонок поступил почему-то с его мобилы. Он вопил так, что не только Светка, но и все бывшие в комнате слышали его вопли.

– Мы прибыли!!! Тут была «смерть до прибытия»!!! Я только собирался писать документы, а она восстала из мертвых!!! Она меня укусила и обцарапала!!!! Я в ванной!!!

Тут нет защелки!!! Она дверь тянет!!! Помогитееее!!! Хоть кто как!!!! Я не удержусь долго!!! Она лезет!!! Влезла!!!!»

Пошли короткие гудки...

Молчаливая Вера Сергеевна вполголоса высказалась: «Это уже не похоже на героин. Вероятно, ЛСД. Может быть, и ЛСД, и героин».

Светка отозвалась: «Да не важно. Все записано – он по городской связи говорил. Отмажут и это, конечно, но, наверное, дорогонько встанет».

Вера Сергеевна хмыкнула – очевидно, представив в лицах, как молодой обалдуй героически сражается с сухонькой, «метр тридцать в цилиндре и на табуретке», старушонкой.

Куренкова попыталась связаться с «Басаевым» по номеру его мобилы, но там были короткие гудки. Тогда она стала вызывать «Дважды Теодора», и тот минут через десять отозвался. Очевидно, в пешем строю он тоже умел поспешать.

По его словам, «Басаев» был на вызове трезв – ну, во всяком случае, от него не пахло.

Перспективу сходить и проверить, что там такое произошло, Теодор Теодорович воспринял совершенно без энтузиазма, и Светке пришлось применить к нему весь свой арсенал – от воркования до угроз административного характера.

Наконец, она положила трубку и заметила: «Теперь через часик можно будет узнать новости – как-никак на второй этаж подниматься...»

Вера Сергеевна опять хмыкнула, а смешливая Ирка приснула, но негромко, чтоб не нарушать рабочую атмосферу в диспетчерской.

Бредовость сообщения «Басаева» была и впрямь высшего градуса. Если действительно смерть была до его прибытия – кто ему открыл дверь? Восстать из мертвых – это еще веселее.

Иисус и Безмозгова...

Ну, а уж ворваться в ванную к бугаю, вцепившемуся в дверь...

Вспомнили о миссии «Дважды Теодора» гораздо позже,

чем через час.

Во-первых, вызовы посыпались, как из дырявого мешка, во-вторых, пропала со связи бригада Лозового, посланная на серьезное ДТП. И все попытки связаться с никудышниками ни к чему не привели.

Посоветовавшись с девчонками, Светка стала названивать в милицию. Там, судя по всему, тоже было что-то неладно, но они пообещали разобраться и послать кого-нибудь из освободившихся сотрудников. В общем, ночка была та еще...

Впрочем, бывали и похуже...

Утро первого дня Беды

Если я что и не люблю – так это телефонные звонки рано утром. Это означает, что от меня кому-то что-то нужно. А мне как раз нужно совсем другое: продолжать спать, если быть точным. Я понимаю, что уже практически день, но мне сегодня во вторую смену, и потому за компом я вчера засиделся до сегодня...

Но назвался врачом – бери телефон... Страждущие, бнах, страдают...

Звонил братец. Неожиданно серьезный.

– Дарова! Сразу говорю: я совершенно трезвый и не потреблял ничего. Кроме булки с чаем. И уже щипал себя в разные места до синяков.

– Я за тебя рад! А попозже ты позвонить не мог? У тебя там что – штаны горят?

– У меня все хуже. Я это предисловие сделал, чтоб ты не подумал, что у меня бельканто или я у кого из своих клиентов нашел в нутре кило кокаина и тут же все вынюхал.

– Звучит ободряюще. Ты б покороче – я еще бы часик поспал!

Братец шумно, по-коровьи, вздохнул.

– Если коротко, то я сегодня пришел на работу. Прозектор

дверь не открыл – стал смотреть в окна и стучать: у нас звонок еще при Александре Освободителе, похоже, поставили – музейная вещь – думал, не слышит. А теперь не кидай трубку: все мои мертвецы вместе с прозектором – я его по белому халату узнал – жрут вчерашнего мотоциклиста в секционном зале. На мои стуки – ноль внимания, но я-то все хорошо разглядел: у нас форточка не покрашена, так что с моим ростом видно отлично. Они его просто жрут. Я. Понимаю. Что. Это. Невозможно. Это если ты что-то сказать хочешь...»

– Ты точно не пил, не нюхал, не вкуривал, не колол?

– Я как новорожденный. Причем новородок старорежимный – без послеродового похмельного синдрома.

– А может, репетиция 1 апреля? Ты ж сам прикалывался – ну, когда тебя выперли из кафедральных лаборантов и заодно с пятого курса?

– Я был бы щщщастлифф... Но они его просто жрут. Рвут из него кусками мясо. И это тоже невозможно – человек так сырое мясо жрать не может. Челюсти не те и зубы не те... Это не приколы.

– А друг из друга они куски не рвут?

– Не-а. Токо мотоциклисту весь решпект с увагой. Правда, может потому, что ему нечем кусать – 160 км, да плюс бетонная стена, да минус шлем...

– Так. Ты не сердись, но как-то не верится в это. Честно. Это розыгрыш?

Братец опять вздохнул. Сейчас уже, скорее, как кит. Он вообще-то хороший парень, хоть и приколист. Работает судмедэкспертом в Петродворцовом бюро судмедэкспертизы. Что всю семью удивляет – его там ценят и всерьез уважают. Шуточки-то у него бывали всякие, но, во всяком случае, не злые. И если его раскусывают, то сразу признается... В целом – совершенно невнятная ситуация. И на «белочку» вроде не похоже...

– Нет. Не розыгрыш. Я понимаю, что надо милиципунеров вызывать. Если я им все это расскажу, то они пришлют бригаду из ПНД. Тех я никого не знаю. Пока разберутся – наколют галоперидолом, и буду я Лером Новодворским... Мозги свои жалко. Я, собственно, совета хочу попросить – как мне их вызвать, и чтоб приехали. Своими глазами глянут – будет проще.

– Я бы сказал, что, похоже, морг обнесли ночью. А когда к тебе выедут, отзвонился бы еще раз и сказал, как есть: типа, не считайте меня сумасшедшим и выехавшим не говорите, а если они скажут то же самое – значит, дело плохо, и Армагеддец с Апокалипсисой нагрянули.

– Ну, в общем как-то наверно так. У меня как-то сейчас плохо с сообразительностью... Я тебе отзвонюсь... Слушай, у прозектора с лицом что-то неладно... Ну, отбой, связь кончаю.

Гм... Сумасшедших у нас в роду не было. Если это не ши-

зофрения и не острое отравление всякими порошочками, то даже и не знаю, что думать. Да не, быть этого не может.

Все равно не засну. Поставлю чайник.

Так. Или братец стал умом скорбен. Или что-то другое. Что может быть другое?

Ожившие мертвецы... Ромеро... Зомби... «Мооозги»...

Что с гаитянскими зомби? Они ведь тоже умирают. Лежат в могиле. Потом их вынимают оттуда «колдуны» и ожившего человека используют на тупой и тяжелой работе. Заодно, помимо бессловесного раба, что полезно в хозяйстве, еще и запугивают своей некромантией окружающих до поросычьего визга. А суть – в подборе нейротоксинов, которые вводят бедолагам – они всасываются в слизистые, когда тем в лицо бросают или выдувают порошочек... Стоит вдохнуть – и конец человеку... Потом тяжелейший шок, кома с минимальными признаками жизни – и выздоровление... Только без большей части коры головного мозга. Она от тесного знакомства с нейротоксином рыбы фугу гибнет...

Даже фильм, помнится, был про американского фармаколога, который эту штучку разгадал... «Змей и радуга», точно.

В Петродворце завелся колдун-вуду? Бред, конечно... Хотя после перестройки чего только не было... Или все клиенты судмедморга отужинали в японском ресторане с неудачливым поваром? Там ведь эта самая рыба фугу – деликатес,

только готовить ее может специально обученный повар экстра-класса... Но все равно в Японии периодически кто-нибудь или дохнет, или становится глубоким инвалидом, сходя в ресторан с рыбной кухней...

Чайник, сволочь, не закипает. Наверно, потому, что я на него таращусь. По совету Джерома надо не смотреть на него, а наоборот – показывать всем своим видом, что чай – последнее, чего бы ты хотел...

Что еще может быть у братца? Про сумасшествие буду думать в последнюю очередь: пока симптоматика не каноническая – отложим эту версию. Что может быть еще?

Может, они потому и стали жрать мотоциклиста, что у него расквашена голова и, соответственно, мозги наружу? Но по классике – они любят свежие «моозги»...

Глупости какие в голову лезут... «Пэрис Хилтон не страшны зомби! У нее нет мозгов!»

Позвоню-ка я ему сам! Вот ведь дьявольщина – мобила разрядилась. Опять совсем про нее забыл. Ладно, по домашнему.

Братец отвечает тут же – словно держал трубу в руке.

– Ага!

– Что нового?

– Менты прибыли. Чешут затылки. Судя по всему, после переговоров – не они одни.

– А службу ПНД за вами всеми не выслали?

– Не-а. Нас тут слишком много. Это во-первых. А во-вторых, тут тебе не проклятый тоталитаризм! Прав у ПНД сейчас нет никаких... Ждем начальство – сержант туда соваться без начальства не хочет. Приедет Гутковский – будет решать. Он, к слову, не поверил. Считает, что тут все формалину напились.

– Ну, у него есть некоторые основания. Как эти зомбы выглядят?

– Да как обычные покойники. К слову, не все восстали – кроме мотоциклиста, так же неколебимы подснежники и месячной давности топляк. И баба зеленая подвальная – тоже лежит. Жрут почему-то только байкера. И вообще – все вчерашнего вечернего поступления поднялись, которых уже без меня привезли.

– Они, случаем, не ходили в японский ресторан?

Братец ржет. Похоже, не ходили.

– Это бомжи-подзаборники. Вчера заморозки были – эти олухи так ловко запалили печку в дачном домике, что траванулись угарным газом. Их поздно вечером всех четверых и привезли. Одна баба, трое мужиков. А тут с чего-то и прозектор к ним присоединился. У него, к слову, обгрызена рука. И знаешь – точно у него что-то с лицом. Этих четверых я вчера не видал, а у него морда стала как лошадиная. И, по моему, челюсти заматерели...

– Ну, если ты не шутишь, то сырое мясо так просто не

откусишь... Так что челюсти – понятно...

– Слушай, позвони родителям, а? Пусть они пока особенно из дому не выходят. Только так – остороженько... Не хотелось бы, чтоб они тут же примчались, на деток сумасшедших любоваться...

– Принято. Позвоню. И тебе тоже.

– Отбой, связь кончаю.

Родители уже убыли на дачу. Чтоб нам не мешать. Жениться уже нам пора бы, а мы с братцем все вольными казаками. Нам уже ненавязчиво намекают, что пора бы и о внуках подумать.

Южан в пример ставят. Нет, все, конечно, верно – оно, конечно, и надо бы. Но пока еще можно не впрягаться в семейное тягло – почему б и не пожить в собственное удовольствие?

Дача – обычный деревенский дом предвоенной постройки. Деревня – забытая богом дыра в Новгородской губернии. Но родителям там почему-то нравится. Вот со связью там хреновато – всучил я им мобилку, но пользуются они ею с опаской, да и прием неуверенный. Особенно утром.

С третьей попытки дозвонился. Трубку взяла мама. Это хорошо. Она не то чтоб разумнее отца, но с ней договориться проще. Отец фыркнет, выбросит из головы и сделает все по-своему. Маму убедить легче.

Разговор получился короткий: они переживают, что минута разговора стоит как буханка хлеба, но вроде удалось убедить не болтаться сегодня вне дома. Ну, да и погода у них с утра мерзостная, так что удержать отца будет не сложно.

Ага, чайник засвистел! Свисти, свисти, гад! Я еще посмотрю – пить сегодня чай или нет.

Ладно, выпью. Правда, в холодильнике брать нечего. «Оскудела Земля русская!» Надо бы в магазин после работы забежать... Ничего, хапнем пустого чаю. Не впервой.

И все же, что там с братцем? Если б это была шуточка – родителей он втягивать не стал бы. Ну-ка, до выхода на работу еще есть время.

– Ага?

– Ты не обижайся... Не то что я тебе не верю...

– Или верю. Хотя я тебе не верю! Ты что хотел-то? Я бы тебе не поверил, перевернись ситуация зеркально. Ну?

– Ты говорил, что там твои приятели из милиции рядом. Может, дашь с кем-то поговорить?

– Слушай, попробую...

Дальше я пару минут слышу, как он уламывает кого-то, говоря, что я его брат, ни разу не журналист, никакой огласки, никаких фамилий, никакой записи... Уломал, наконец.

– Что тебе нужно? – голос неприветливый, даже, пожалуй,

неприятный, с хрипотцой.

– Брат рассказал такое, во что не верится. Хотел бы понять – свихнулся брат или и впрямь там чертовщина.

– Как зовут брата, когда родился, как зовут тебя. Твой адрес и место работы?

Несколько опупеваю. Потом доходит: мент не хочет попасть в идиотскую ситуацию (хотя похоже, что уже попал) и старается перевести разговор в привычное русло. Заодно убедиться, что это не подстава и я – именно тот, за кого себя выдаю.

подавляю желание съязвить и бодро рапортую. Шутковать с ментами, патрулями, часовыми, таможенниками и погранцами, когда они при исполнении – глупо и не полезно для здоровья.

– Докладываю, – говорит хриповатый голос, – морг заперт, в форточку видно, как четыре покойника в гражданской одежде и пятый – в медхалате поедают шестого. С аппетитом.

Остальные наблюдаемые покойники ведут себя прилично. Сроду такого не видал, и зрелище поганое.

Далее собеседник выдает грамотно составленную руладу, не относящуюся к делу – видно, чтоб душу облегчить, и передает трубку братцу.

– Ну, вот так. Двое из троих патрульных блеванули, полюбавшись, а они всякие виды видели. Так что зрелище

пикантное. Что еще добавить?

– Мне на работу пора. А ты, когда они начнут двери открывать, – не лезь вперед.

– И не подумаю. Им сказал, чтоб с кинологом приехали. Полезно будет надеть этот собачий прикид – ну, в котором собак дрессируют. Но есть сомнения. Гутковский – он немного отморозок, считает себя пупом земли и больше всего боится, что кто-нито в его крутизне усомнится. Так что не уверен, что тут все будет пучком... Но я поостерегусь.

Ну, удачи! Связь кончаю! Да и сам поостерегись!

Вылез из дома такой груженный, что чуть не влетел под колеса на перекрестке. Облаяли – и, к сожалению, заслуженно: попер я на красный самым дурным образом. Потом ловил ртом ворон – и почти пропустил зеленый.

Не, так дело не пойдет – надо встряхнуться. Вот и маршрутка, кстати. Водитель «шайтан-арбы» сегодня не слишком джигит, почти нормально водит.

Что там у братца? Что там у него может быть? Если все это не бред... А к слову – может, это я свихнулся, а свой бред украсил братцем с его бредом? Может, сплю?

Закрываю глаза, трогаю руками подлокотник. Выше стекло. На пальцах остается вмятый слой пыли. Открываю глаза – так-таки «Газель». Ущипнул себя за руку – больно. Ущипнул сильнее – еще больнее, но ничего не поменялось.

Интересно – а как понять, что у тебя бредовое состояние? И почему бы в бред не включить боль от шипков?

На подходе к поликлинике ощущение бреда усилилось. Стоянка для автотранспорта почти пустая – сроду такого не было! И ни одной машины «Скорой помощи»! А они всегда ставили свои таратайки здесь, хотя официально их служебная стоянка – с другой стороны подстанции. Но им тут удобнее и на пару десятков шагов ближе, потому всегда с ними были свары. А тут – пусто.

Дальше – больше. Двери заперты, стоит кучка посетителей и посетительниц – человек пять – галдят, дербанят звонок, но, похоже, без результатов.

Чертовщина какая-то.

Отхожу назад – о, со второго этажа на меня кто-то смотрит, машет рукой и исчезает в глубине кабинета. Подхожу к двери, с трудом пробиваюсь поближе сквозь эту толпу, созданную всего пятью человеками, и меня заподозривают в разных черных помыслах, но объясняю, что я врач и, на мое счастье, кто-то из пятерых меня узнает.

В тамбуре за дверями появляется наш ГО-шник – Сан Саныч. Вид у него жуткий: лицо серое, мокрое, волосенки прилипли к коже и, чего никогда не видывал у него, – подмышки халата промокли от пота двумя здоровенными полукружьями – чуть не до пояса. Сам халат изгваздан в грязи, здоро-

во замаран кровью и порван. В руке у Сан Саныча палка от швабры и вид злобно-грозный.

Приоткрыв дверь, он тут же напустился на тетку, стоявшую самой первой:

– Я тебе, дура, уже третий раз говорю: поликлиника закрыта, у нас опасная инфекция, и до проведения полной дезинфекции поликлиника работать не будет! Тебе палкой по башке твоей дурной врезать, чтоб поняла?

– Доктор, ты полегче, – заступается за тетку мужичок средних лет. – Нехорошо так орать!

– А три раза подряд толковать одно и то же – хорошо? Идите вы все отсюда подобру-поздорову, а то сами заболете! Заболевание смертельно и легко передается!

– Мне назначено! – визгливо и как-то привычно вопит тетка.

– Шваброй тебе, дура тупая, по башке назначено. Сейчас выпишу! – звереет милейший и добрейший Сан Саныч.

Между тем, из пяти страждущих двое улечиваются. Мужичок, видя это, тоже смывается.

Сан Саныч и впрямь трескает бабу по башке палкой, отчего баба затыкается в своем базлании, ловко разворачивает ее спиной и молодецким пинком посылает с лестницы в кусты. Шмякнувшись, баба быстро вскакивает и с визгом улечивается...

– А Вы чего – особого приглашения ждете? – поворачи-

вається он к последней из посетительниц.

– Хочу узнать, что за инфекция и что рекомендуете делать, – довольно спокойно отвечает пожилая женщина.

– На манер бешенства. Передается при укусах. Смертельна. Потому подальше держитесь от ковыляющих неровной походкой и от тех, кто укушен, на ком кровь. От меня, например, держитесь подальше. А еще опасайтесь мертвецов или похожих на них. И лучше эвакуируйтесь пока из города.

– Спасибо! – кивает женщина. – Почему надо опасаться мертвецов? Заразны?

– Заразны. Особенно после того, как воскресают. Не убедился бы в этом кошмаре сам – не поверил бы. А теперь – извините, времени мало, надо сдать дела коллеге.

Посторонившись, пропускает меня в тамбур, ответно кивает женщине и лепит состряпанную второпях надпись: «Поликлиника инфицирована! Не входить! Опасно дл жизни!»

– Вы букву «я» пропустили в слове «для», – чтоб хоть что-то сказать, говорю ему.

Он машет рукой – фигня! Быстро идет внутрь поликлиники.

В вестибюле как Мамай прошел – какие-то бумажонки раскиданы, шапка валяется, шлепанцы чьи-то... Сразу за регистратурой, на лестнице, здоровенная лужа крови, уже свернувшейся в студенистую массу... Волокли кого-то – следы в комнату отдыха...

– Куда идти? – спрашиваю Сан Саныча.

– В кабинет начмеда, – отвечает на ходу.

Кабинет спрятан под лестницей. Почему так – не знает никто, но начмеду этот кабинет был почему-то мил. Захожу. Хозяйки нет, и разгромлено и тут все.

Сан Саныч мнется. Понимаю, что ему не хочется свежему человеку заявлять, что мертвецы воскресают... Прихожу на помощь – коротенько рассказываю про беседу с братцем. Вздыхает с облегчением. Но без радости. Какая тут радость...

– Значит, это не только тут у нас. Вкратце: у Люды Федяевой на приеме умер пациент. Она кинулась оказывать ему помощь. Первая помощь, реанимационные меры – как положено. Через пять минут этот пациент сожрал у нее губы и щеки: дыхание рот в рот, тянуться не надо. Одним махом.

Дальше было совсем паршиво: пока его повязали, перекусал с десятков пациентов и наших сотрудников четверых.

Люду Бобров повез на своей «Мазде» к Джанелидзе. Пациента запихали ему в багажник – был шанс достать куски тканей у него из желудка, а хирурги там, в ожоговом, хорошие. Потом Бобров нам отзвонился и визжал нечеловеческим голосом: Люда по пути умерла, а когда он остановил машину – ожила, стала рвать на себе бинты и пыталась его схватить. Он из машины выскочил и позвонил нам. Сроду бы не подумал, что Бобров может визжать!

Да уж. Кто-кто, а Бобров... Он был всегда подчеркнuto англизирован, невероятно аккуратен и держался как лорд. Да даже галстук по торжественным дням надевал не селедкой, а бабочку. И в парадную одежду входил смокинг – настоящий, с шелковыми вставками. Говорил всегда вполголоса, очень сдержанно – а тут визжал...

Да и к Федяевой он относился явно с симпатией... Красивая она была, Федяева... Тут я представляю себе ее лицо без губ и щек, и меня передергивает.

– Его спасло то, что она была забинтована весьма плотно и пристегнута ремнем безопасности. Так он ее в машине и оставил. Ну, а у нас пошло веселье дальше. Еще один пациент перекинулся – из сильно покусанных. Ему уже никто рот в рот дышать не стал, простышкой накрыли.

Начмед пыталась связаться со спецсантранспортом, но там сообщили, что они временно не работают – практически все экипажи не вернулись, а которые вернулись – нуждаются в психологической помощи. Со «Скорой» – та же песня: у них за ночь потеряно до двух третей бригад – стоянку пустую вы заметили. Пока возились – покойничек-то восстал из мертвых. Нашлась добрая душа, кинулась ему помогать – тут медсестрички не доглядели. Добавилось еще несколько укушенных. И ваш покорный слуга туда же – прибежал на визг, не разобравшись. С начмедом вместе...

Сан Саныч подтянул жеваную и грязную штанину – да, за икру его тяпнули основательно, повязка здорово набухла от крови; глубокая рана, значит – кровит сильно...

– В общем, ситуация такая. Дрянь эта передается с укусом. Воздушно-капельным путем, похоже, не передается, да и не дышат мертвяки и не чихают. Убитые или смертельно раненые обращаются минут через 5 – 10. Но тут возможно, что на холоде и подольше будут обращаться: могу судить только по своим наблюдениям, а у нас в поликлинике жарко.

Тяжелораненые – было трое таких – протянули полчаса – час. Раны смертельными не были. Кровотечение остановили, в общем, состояние было стабильным.

Легкораненые – не знаю. Некоторые умерли уже через три – четыре часа. Также не знаю, есть ли шанс на выздоровление. Пока – надеюсь, что есть. (Сан Саныч криво и жалко ухмыльнулся.) Но самочувствие у меня омерзительное – хуже, чем при тяжелом гриппе. Если начну помирать – никакой реанимации: оттащите в ближайший кабинет и закройте. Зомби туповаты – даже за ручку дверь открыть не могут. Но это вам и без меня есть кому рассказать, а сейчас о том, что важно.

Первое – Валентина Ивановна Кабанова сейчас работает в лаборатории. Ключи у нее есть, телефонная связь есть, туалет есть и еда с питьем – благо, буфет в том же флигеле. По ее просьбе, Зарицкая сбегала в зоомагазин за углом, скупила все клетки и всех грызунов.

Сейчас Валентина пытается узнать о новой напасти, что возможно. По ее словам, ей еще на ночь работы. Теперь забота о ней – на вас. Она вас учила и вы ей, в общем, обязаны. Обещайте, что примете все меры по обеспечению ее безопасности!

– Обещаю, конечно. А...

– Некогда, слушайте – вопросы потом. Теперь второе. Я собрал все стоящие медикаменты из нашего аптечного киоска. Не так чтобы особенное, но не забудьте сумки – они у входа во флигель. Вот дубликат ключа. Номер телефона лаборатории у вас есть.

Третье. Вы ведь живете в центре? (Я кивнул). Так вот, я не рекомендую туда возвращаться. Общественным транспортом не пользуйтесь. Особенно – метро. Лучше поймите частника и отправляйтесь ко мне домой. Сына и жену я предупредил. Адрес – вот. Родителей тоже заберите из центра. Брат ваш вряд ли в скором времени выберется из Петергофа. Если все пойдет по оптимистичному сценарию, будет введен карантин, чрезвычайное положение с комендантским часом, патрулирование улиц, и особо опасаться за целостность имущества не придется. Если же все пойдет так, как я подозреваю, – в центре будет сложнее выжить. Там тесно, а вот зомби будет много. В спальном районе удрать от зомби куда проще. Только лестничные площадки разве что... Места у нас хватит, худо-бедно есть ружье, и вдвоем с моим сыном вы уже сможете изобразить хотя бы пародию на парный патруль.

Четвертое – тут все мои лекции по гражданской обороне, правилах эвакуации, немного по выживанию, и еще я тут накидал некоторые свои соображения. Чем черт не шутит – вдруг и пригодятся. Тех зомби, кого удалось обезвредить, я затащил в кабинеты без оборудования. Кабинеты помечены – маркером написал, что внутри зомби. Это на случай, если потом приедете за оборудованием. Что еще? А... Вспомнил! Идемте!

Дыша, как загнанная лошадь, Сан Саныч поплелся по лестнице. Свернул к закутку, где обычно хранился всякий «очень нужный хлам». Там же была конура три на три метра почему-то с мощной, обитой жестью дверью. Хранились там несколько старых, еще советских, ящиков с противогазами (давно списанными) и старый телевизор. Щелкнув замком, Сан Саныч опасливо приоткрыл дверь. Глянул в щелку и открыл пошире. На полу конуры довольно активно зашевелились лежавшие там тела – пятеро, в бывших еще утром белыми халатах. Я узнал Постникову – по ее телосложению, которого на троих хватило бы с избытком, и Васильченко – несмотря на то, что головы у всех лежащих были туго, в кокон, обмотаны скотчем. Приглядевшись, убедился в том, что все пятеро увязаны очень плотно: простынями, скотчем, бинтами и прочим – видно, тем, что под руку подвернулось. Сильно воняло – видимо, разлитым второпях ацетоном.

– Зачем это вы меня сюда привели, Сан Саныч?

– Вам стоит посмотреть на них поближе. Я чуть в штаны не наложил, когда впервые увидел. И растерялся. Вам это нельзя себе позволить – цена ошибки большая слишком.

А обездвигил я их и обезопасил от души. Убедитесь, что у них упала температура тела, нет пульса, дыхания и – главное – гляньте им в глаза. Это – важно.

Через минуту, выполнив все, что он велел, я почувствовал, что взмок как мышь. И действительно: взгляд у обращенных был... Не описать... Ненависть в чистом виде, не живая ненависть, infernalная какая-то. И даже не ненависть, просто такое чужое... Черт, не описать... Голливуд бы дорого дал, чтоб такое воспроизвести. Да хрена такое изобразишь... Мороз по коже... Ловлю себя на том, что оцепенел, с трудом стряхиваю это мерзкое состояние.

В остальном – трупы как трупы. Кожа грязно-воскового бело-зеленоватого цвета. Затеки складок кожи на уши, как обычно у покойников – когда лицо обмякает, и обвисают ткани. Холодные, комнатной температуры.

Не дышат, сердца не бьются.

Только вот двигаются и стараются освободиться.

Действительно, впору в штаны класть...

Когда мы выходим за дверь, и замок щелкает, я чувствую, словно гора с плеч... И – выходил я спиной вперед, вертя головой на 360 градусов...

– Это вы правильно головой вертите – замечает Сан Саныч. – Теперь так всегда делать придется. Привыкайте.

Возвращаемся в кабинет начмеда. Сан Саныч с оханьем плюхается на диванчик. Переводит дух. Ему заметно хуже. Пот с него градом катит. И одышка.

– Теперь спрашивайте, что хотели.

– Почему вы считаете, что дела пойдут по худшему сценарию?

– Не только начмед звонила. Я тоже звонил. Считаю, что ситуация катастрофична и меняется в худшую сторону стремительно: один мертвяк – и поликлиники нет.

И с десятков инфицированных разбежались. Придут домой, врежут дуба – и обернутся... Здравствуйте, девушки!

В ФСБ вежливо проигнорировали. В Смольном попросили не хулиганить. А в нашем отделении милиции, наоборот: у них с ночи лиса полярная пришла. В Комитете здравоохранения никого из начальства нет, и никто ничего не знает и знать не хочет. Из соседей только стоматологи отозвались – их главный прибежал, смотрел. В райздрав я все доложил, но не уверен, что восприняли правильно. И все.

Тут надо очень жестко и круто действовать. Не вязать, как мы тут корячились, а вышибать мозги. Мне пришлось топором пожарным махать. Пациентам по головам стучать – знаете, не сразу получилось. Так вот – они вроде бы не чувствуют боль. Могут на сломанной ноге ковылять. Дыра в грудной

клетке совершенно им не мешает. Выпущенные кишки – совершенно не влияют. А вот при разрушении головного мозга – упокаиваются окончательно. Нет, вы так не смотрите – топор я вам не дам. Он весь в кровище, а я не знаю, когда у их крови контагиозность истекает. Это вам завтра, скорее, Валентина скажет.

Сан Саныч говорит торопясь – видно, что старается успеть сказать как можно больше. А речь стала невнятной, заметно невнятной. Нет, понять можно без проблем, но еще когда я пришел – дикция у него была отличной. А сейчас уже мямлит.

– Если обращаются все покойники, то считайте сами – за день помирает пара сотен петербургских жителей. А что такое геометрическая прогрессия – сами знаете. Ну, притча про султана, захотевшего вознаградить изобретателя шахмат: на первую клеточку одну монетку, на другую – две, и так далее... А тут еще, похоже, что те же крысы и хомяки заражаются на раз – Валя мне звонила... Сколько в Питере дохнет крыс в день? Будут ли они нападать? А собаки? Кошки?

Правда, это была единственная новость, которая меня порадовала, хоть это и нелепо звучит. Я боялся, что это – например, генетическое оружие. И что мы тут будем вымирать, а потом придут свеженькие европейские цивилизаторы и дезинфицируют пространство, наконец-то. А похоже, что

всем будет капут...

Короче, войск на улице нет. И в ближайшие дни – не будет. А когда соберутся – будет поздно. Совсем поздно. Но вы постарайтесь выжить. Я сейчас прилягу, устал я... А вы через полчаса позвоните – у Валентины уже будут первые результаты. В регистратуре телефон – обзвоните всех, кто вам дорог, предупреждайте. Не бойтесь показаться смешным. На это – плевать...

Сан Саныч мешком валится плашмя. Переводит дух...
Бормочет:

– Куртка у вас легковата... Возьмите вон ватник – от сторожей взял. Он чистый... Ну, идите...

Беру ватник, встаю. Он приоткрывает глаза. Смотрим друг на друга.

– Думаете, я геройствую? Нет, я посмотрел – от этой заразы умирают тихо и спокойно. Без агонии. А так – страшно, конечно. Но куда ж деваться... Сам родился, сам и помру.

Бумаженции мои не забудьте! Вот, на столе рядом с вами. А ведь и впрямь, чуть не забыл. Беру пару допотопных папок с ботиночными шнурками.

– До свидания, Сан Саныч! Спасибо. За все.

– Нет уж – скорее, прощайте. Новому свиданию со мной, боюсь, вы рады не будете. А бить по голове хороших знакомых и коллег... У меня, например, не получилось. Всё. Ступайте.

И я ступаю. Прикрываю дверь. Щелкает замочек. Действительно – всё.

Теперь звонить... Кому? Ольга в Хибинах со своими балбесами. Связи с ними нет. Значит, по порядку – с буквы «А» в записной книжке... Нет, сначала все же родичи и други. И подруги...

Через полчаса на пальце мозоль. Набираю номер лаборатории. Гудки. Наконец, трубку берут.

– Да?

– Валентина Ивановна, это я. Сан Саныч просил за вами присмотреть. Позволю себе заметить, что в вашем положении неосторожно так поступать... Вы же сейчас не только за себя отвечаете, но и за своего ребенка.

– Именно потому я тут и сижу с мышами. Я должна знать, что нам угрожает, тогда и ребенка смогу защитить внятно. Как Сан Саныч?

– Плох.

– Понятно. Очень жаль. Я вас хочу попросить сделать одну вещь – он не успел.

– Слушаю?

– Зайдите, пожалуйста, в детский садик, что у нас напротив. Предупредите.

– Лучше я им позвоню.

– Нет. Я им звонила, но они, видимо, все на прогулке – я вижу детишек за забором.

Честно говоря, я еще не всем отзвонился. Но тут детишки. Ладно, минута делов. Это быстро.

Ключ торчит в замке. С той стороны входа – никого. Видимо, не принятые еще посетители нашей поликлиники помнели. Ну и славно. Запираю дверь и мелкой трусцой обхожу здание. Теперь обогнуть голые кусты – а там и вход.

Черт! Я чуть не пролопушил критически – в последний момент боковым зрением увидел движение и рефлекторно дернулся. Чистенько одетый старичок – без верхней одежды и в наших синих бахилах – промазал ручками на сантиметры. Я его не заметил – пенсионеры одеваются неброско, он как – то в кустах да на фоне забора замаскировался.

Дергаю в сторону от входа. Не нужно его туда вести. Я вот сейчас через забор – прыг!

А тебе, дедок, – шиш!

С «через забор прыг» получилось позорище – я завис. Некоторое время сучил ножками, стараясь зацепиться за гладкий бетон, потом меня прошиб ужас оттого, что подошедший дедок вцепится мне в ногу, я перевалился через забор и совсем не так, как полагал: шмякнулся на землю, аж дыхание перехватило. Чисто тесто. Тесто мягким местом...

Теперь быстро найти воспитательницу, вход заблокировать, потом разговаривать. Не видно воспиталки, вестал-

ки-воспиталки... А детишки рядом – вон копошатся, поросята.

– Дети! А где ваша воспитательница? – самым добрым своим голосом спрашиваю у крошек. Одно чадо в ярчайшем желтом комбинезончике поворачивается. Я еще продолжаю идти к детям, когда второй раз за эту пару минут меня прошибает ужас.

То есть я вижу, но разум отказывается правильно оценить виденное. Милые дети жрут что-то. Судя по шерсти – обычную кошку. Серенькую полосатую котейку. И я их заинтересовал явно сильнее, чем котярка. Потому как они довольно шустро кидаются ко мне. Нежить чертова! В ярких комбинезончиках, с оплывшими грязными личиками...

Думать некогда, надо тикать. Тикаю изо всех сил. Мельком вижу открытую настежь дверь детского сада. Детишек добавляется, но у них ножки коротенькие, и я бегу явно быстрее.

Пытаюсь прикинуть, где пасется дедок, и, забирая в сторону, опять же кидаюсь на забор.

На этот раз адреналин помогает – перемахиваю хоть и не ласточкой или там Бэтмэном, но весьма прилично. Далее рывком – до дверей. Ключ – как и полагается в такой момент – вылетает из пальцев и, звякая, скачет по ступенькам.

Это мое большое счастье, что никого рядом нет – вдалеке, правда, ходят прохожие, я их вижу, но за кустами не пойму –

ковыляют они или еще идут нормально.

Забравшись внутрь поликлиники, встаю в позу «зю» и дышу аж с хрипом. Всего – то пробежал – ничего, а дышать нечем. До слез нечем. Надо собой заняться – мяконький слишком стал. Пухленький...

Звоню Валентине. Объясняю ситуацию. Молчит. Потом спрашивает:

– Можем ли мы что-нибудь сделать?

Отвечаю:

– Присоединиться к детишкам.

– Это не выход. Позвоните пока на телевидение и на радио. Может, это поможет?

– Хорошо, попробую.

Далее следующие полчаса – самые бесполезные в моей жизни. Занятые ребята из мира шов-бизнеса даже не утруждают себя выслушиванием. Один, правда, выслушал. Попросил принести ему такой же травы, которой я накурился. Не выдерживаю и матерю его. Тоном знатока он уведомляет меня, что я и в этом – лох...

Дас ист аллес!

Пытаюсь убедить Валентину, что вечером родители заявятся за детенышами в садик – и у нас к утру тут будет от

зомби не отмахаться. Она непреклонна. Ей нужно провести все задуманные эксперименты. Для этого нужно еще минимум двадцать часов. Она уверена, что это очень сильно поможет нам в дальнейшем.

И тут финиш. Она из Архангельска. А тамошние если что решили, то их уже не подвинешь. И ведь не бросишь же, хотя «не мать, не жена, не любовница». Просто хороший человек, врач отличный. Когда пришел сюда совсем зеленым – она взяла надо мной шефство, натаскивала. И хорошо натаскала. Придется завтра организовывать спасательную экспедицию сюда... А сильно не хочется... Но придется.

Ладно. Надо дозвонить книжку. Когда заканчиваю – словно мешки грузил, так вымотался.

Зато уже вытанцевался примерный текст: новая инфекция, похожа по действию на нейротоксин рыбы фугу, далее как у гаитянским зомби, только поражение головного мозга глубже, и зомби агрессивны. Процентом 70 % мне явно не верят. Ну и ладно, если хоть чуток будут осторожнее – уже хорошо. Черт, да будь это нормальная эпидемия – чумы, холеры, оспы – куда проще было бы. А тут времени на каждый звонок уходит до жути много... И, похоже, впустую.

Звоню братцу. Ему некогда – вот-вот приедет начальство. Кратко рассказываю выжимку из узнанного от Сан Саныча и Валентины. Говорит «Пасиба» и отключается.

Тут только до меня доходит, и я снова обзваниваю тех,

у кого дети. Рассказываю про садик, в котором я так бурно развлекался. Прошу отзвониться – убедиться самим. Это срабатывает сильнее...

Попутно просматриваю бумаги, попавшие мне в наследство от Сан Саныча. В самом начале лежат деньги – видно, что он выгреб все купюры из кошелька. Немного, тыщи три, но бедному вору – все впору.

Дальше записка. Написанная его аккуратным писарским почерком.

«Итак, зомби.

Что известно – в отличие от фильмов, это реально.

Особый интерес:

1. Что за возбудитель – пока неясно, не выделен.
2. Пути передачи – точно, что со слюной при укусе; возможно, что и при попадании крови и слюны на слизистые (глаза). Другие пути передачи неясны. Не видел.
3. Физиология зомби, срок жизни – неизвестны, хотя тут ясно, что вроде идет разложение, просто обьязано идти. Вопрос, как разлагаются живые мертвецы, неясен, иначе была б надежда, что при разложении, как положено нормальным мертвецам, они через год скелетируются и саморазвоятся. Также важен вопрос, как реагируют на холод и прочие погодные явления. По идее, как холоднокровные – должны на морозе замедляться.
4. Функции восприятия – видят, чувствуют запах и слы-

шат; возможно, что есть и какие-то сверхъестественные возможности чутья.

5. Могут кооперироваться, имеется слабый интеллект. На уровне насекомого.

Таким образом:

1. Надо защищаться от укусов и попадания слюны и крови на кожу и слизистые.

2. Надо быть отличимым от зомби, чтобы свои не подстрелили по силуэту, когда до этого все же дойдет. Должно дойти.

3. Надо быть мобильным (если кто бегал в ОЗК и противогазе – тот поймет). Потому рыцарский доспех, например, не вполне подходит. Разве что рукавицы и наручи.

Таким образом:

1. Оружие отечественное, посовременнее. Или что есть. Все, чем можно проломить череп. Тут мудрить нечего.

2. Защитная одежда – из пластиковых пластин, типа защиты хоккеистов или защитных костюмов мотоциклистов с использованием кевлара. (Всегда удивляли киношные тупицы, бегающие по магазину с зомбаками и не догадывающиеся хотя бы кожаную куртку со шлемом и перчатками надеть). По зиме – конечно же, ватные штаны и ватники, без вопросов. И прочные перчатки – например, кольчужные, как у мясников. В первую очередь – перчатки. На ноги – сапоги с высокими голенищами. Были бы на мне яловые сапоги сейчас!!

3. Маскировка бесполезна, наоборот – нужны кислотные

яркие цвета для распознавания своих, также добавка светоотражающих элементов и, возможно, светодиодов – на каске, например.

4. Шлем пластиковый с гибким назатыльником, закрывающим шею, и прозрачным щитком. Противогаз в данном случае не катит – в нем очень тяжело находиться долго, никудышный обзор и очень трудно целиться. Если уж использовать противогаз, то лучше чешские модели – они самые жуткие по виду, но для прицеливания лучше. И раз зомби легко прокусывают кожу, противогаз, скорее всего, тоже прокусят.

5. Причиндалы и прибабасы – да проще всего взять имеющиеся на вооружении.

Использовать разгрузки. И добавить сухарную сумку. (Это шутка!) Не забыть фонарик.

Вкратце так. Последнее – запах. От зомби пахнет словно бы ацетоном. Даже, скорее, воняет. Если продолжат разлагаться – через год их не будет, скелетируются... Но к запаху придется привыкать.

И совсем последнее – воду не любят. Одно санитарка обдала водой из ведра – потерял ориентировку, стал отступать. Запомнить.

Удачи вам всем!»

Далее материалы по эвакуации. Что брать с собой. На что – особое внимание.

Ну да, эту лекцию я помню. Он вообще здорово вел занятия. Даже странно для ГО...

Уходя из поликлиники, стукнул в дверь кабинета начмеда.

– Сан Саныч?

– Еще живой! – но уже совсем тихо и невнятно, сквозь кашу во рту.

– До завтра!

– Удачи!

Теперь, по лекции судя, – три задачи: обеспечение безопасности, вода, еда.

Домой я все-таки заеду. С семьей Сан Саныча можно и позже познакомиться.

Мне почему-то хочется оттянуть момент рассказа о Сан Саныче...

Он ведь еще жив... А вдруг? Может, ему повезет?

Опасливо косясь на тылы поликлиники – с детским этим садиком – дурацкой трусцой выбираюсь на улицу. Что-то я хотел... Точно: еще вспышкой проскочило, когда я на заборе болтался, спасаясь от старичка-инфарктника...

Вот, вспомнил. Оружейный магазин. У меня даже есть ли-

цензия на газовое и травматическое... Я к ним несколько раз заходил – это около одной остановки отсюда.

Помещение маленькое – один зальчик. Продавец узнает, ухмыляется – видно, я им надоел, ковыряясь в десятке образцов «оружия самообороны». С другой стороны, им скучно – покупателей нет, и они не прочь почесать языки.

Выкладываю им вкратце про поликлинику, садик и инфекцию. Я, конечно, альтруист – но у садика именно об оружии я и подумал. Худо-бедно армия за плечами. Дельный ствол с боекомплектом – очень полезная штука в разговоре. Особенно с таким феноменом, как живой труп.

По-моему, не верят. Ясен день – я и сам утром не поверил. Но у меня есть козыри.

Предлагаю уже привычно: связаться по телефону, например, с санспецтрансом, позвонить в поликлинику и Валентине в лабораторию и в детсадик. Или гонца туда отрядить.

Пожилой, с отеками под глазами – явно почечник – спрашивает, кто я по профессии.

– Врач – отвечаю.

– Хороший врач?

– Достаточно хороший, чтобы сказать, что у вас почки не в порядке.

– Ну, так это у меня на лице написано.

– Не все прочтут, однако – в тон ему отвечаю.

– Это да. И что вы предлагаете делать?

– Я и сам не знаю. Обзвонил по телефону всех своих. В детсад зашел. Ну, а после детсада – к вам. Думаю, вам стоит своими глазами глянуть. Ну, и за телефоны взяться.

А там – по плану.

– Какому плану?

– Эвакуации со спасательными работами, какому же еще.

Сероглазый парень из отдела, где всякая рыболовная всячина, подумав, заявляет, что пойдет – разведает, если остальные не против. Если что, он сегодня еще не обедал, заодно еду прикупит...

Понимаю, это «если что» означает: не верит мне парень, но ему любопытно все же.

Остальные соглашаются даже как-то с облегчением. Парень ловко проскальзывает в дверь – видно, что в отличие от меня, он за своей формой следит. Походка пружинистая, двигается красиво... Пожилой почечник тем временем удаляется в подсобку – видно, телефон у них там. Слышу невнятный бубнеж.

Неловкая пауза. Крендель, стоящий перед стендом с охотничьими ружьями, ухмыляется.

– Небось, к нам из чистой альтруизмы зашли? – довольно ехидно спрашивает он. Мужик он непростой, с подковырками все и подначками. Хотя то, что в оружии разбирается от-

лично, я уже давно заметил.

– Ну и из альтруизмы тоже. В конце концов, я вам за последнее время достаточно много надоедал.

– Ага, по травматикам уже можете статьи писать. Кстати – может, прикупите чего? Очень, знаете ли, может быть кстати.

Вообще-то это мысль. Правда, денег у меня с собой не густо. А из всего предлагаемого набора искалеченного оружия (а травматика – это именно инвалиды от оружия, специально изуродованные и ослабленные) разве что «Хауда» симпатичен – обрез бракованной двустволки все же с учетом нынешней, еще большей требованиями Минздрава к мощности выстрела кастрации, достаточно силен. Да и патроны обычные у него (хотя тоже обрезанные окурки) – с нормальными капсюлями...

Зомби, конечно, такая дрянь не убьет... гм, как не убьет – зомби же и так мертв. Не годится «убьет». Как сказать-то лучше? О, упокоит! Точно – упокоить зомби такая фигня, как «Хауда», не сможет, но вот сбить с ног или атаку остановить на секунды – вполне. Правда, стоит этот дурацкий обрез со всеми ослабленными деталями и извилистой дырой в стволах совершенно безумно. В этом же магазине среди нескольких нарезных стволов стоит и К-98 – тот самый, вермахтовский – и стОит почти вдвое дешевле.

Перехожу к прилавку с травматикой, газовиками и прочей похабелю. Полный низенький продавец показывает в улыбке все свои 15 зубов – дескать, опять пойдет волна вопросов от въедливого клиента, который никак не хочет стать покупателем.

– Если все рассказанное вами правда – то лучше б вам брать не пукалки, а нормальные стволы. Они и от зомби, и от людей лучше работают. А то, что тут у меня – это для глубоко мирного времени.

– Так разрешение у меня токо на травматик. Может, взять «Хауда»? На первое время?

– Третьим дурнем будете, кто «иудейскую двустволку» купил. Правда, те брали с деревянными деталями, а тут только пластик остался. Ну – вольному воля, спасенному – рай. И патроны? – продавец подмигивает и одергивает полосатый свитер дурацкой расцветки.

– Сейчас, наличность посчитаю.

Оказывается, что с наличностью-то у меня неважнец. Вспоминаю про три тыщи Сан Саныча. Еле-еле хватает на обрез и пачку патронов. Жаба душит неслыханно, но тут вспоминаю старичка-пенсионера в кустах. А, жизнь дороже. Начинается возня с оформлением чека, записью в разрешении и протчая...

Почечник так и бухтит в подсобке, ехидина зачем-то открыл свой стеклянный закром и возится со снятым оттуда

жутким агрегатом – этакий АК-переросток – судя по всему, гладкоствол и, похоже, 12 калибра... А я получаю в руки тяжелую и весьма невзрачную картонную коробку – что касается оформить тару, у нас это непревзойденное умение... Собираюсь зарядить обрез, но тут оба продавца – и тот, что в свитере, и ехидный, как сговорившись, настоятельно не рекомендуют этого делать.

– Знаете, если вы сказали правду – это одно. А так... вы ж «Терминатора» – то смотрели? Не надо заряжать пока, – деликатно вразумляет меня пухлый продавец.

– Ну, вы ж видели мое разрешение, записи в журнал сделали, да и застрелить я вас не смогу!

– Береженого, знаете... Если вы все придумали, то мало ли что... А сумасшедших сейчас еще по суду сумасшедшими признавать надо... Вы не обижайтесь. Вот Серега вернется, подтвердит ваши слова...

Проходит еще несколько минут. Ехидный все еще роется у себя, повернувшись к нам спиной, пухлый выжидательно посматривает на двери.

Несмотря на то, что мы все ждали возвращения Сереги, первым удивил почеченик – он вылез из подсобки мокрый как мышь и, обведя зал тяжелым взглядом, заявил:

– Спасибо, доктор. Похоже, что вся та чушь, которую вы тут городили, – правда. Началось, похоже. И такое, что хрен

поймешь.

В этот момент и Серега влетел в дверь. Видно было, что он неся во весь опор. Дыхалку он себе сбил, и потому, согнувшись и пыхтя, стал выдавать:

– В детсаду все дохлые... Ходят... Кошку не видел... Но мордахи в крови у многих... А старичок, сука... Хорошо, предупредил...

Ехидный подает ему стаканчик с водой. Серега немного отдышался и сообщает, что видел не меньше полутора десятков мертвяков разного пола, возраста и степени укушенности. У него на глазах старичок схватил и вроде бы укусил тетку, приехавшую, похоже, за дитенком в этот чертов детсадик... Он попытался тетку остановить до этого, но она его послала и шарахнулась как раз пенсионеру в лапки – Серега стыдливо признался, что и он деда не заметил сгоряча: тот стоит совершенно неподвижно... Он пытался тетке помочь, но она отбивалась и от него тоже – в итоге, старичок крепко тяпнул тетку за ухо... А дальше тетка ломанулась в детсад, за дитенком, похоже. Серега еще рванул от старичка в сторону, но дедок как корни в кустах пустил и за ним не двинулся.

Молчание нарушает ехидный из охотничьего отдела – подняв тот самый передел АК и спокойно передернув затвор. Все уставились на него. И я в том числе.

– Мужики, как говорят в фильмах – ничего личного. Не дергайтесь – и все будет путем, убивать вас и в мыслях не

держу, но и вы мне не мешайте. Я человек порядочный – беру эти шесть стволов и четверть патронов. Так что и вам хватит. Я уезжаю отсюда к себе, а вы смотрите сами. Зиновию передайте, что если все устаканится – верну стволы и откупного дам. Только, думаю, ни хрена не устаканится, а будет тут Жопа. Сейчас родители за своимидохлыми детишками приедут, вы их хрен остановите, и все папы и мамы вляпаются по самое не балуйся. И так по всему городу. И не кидайтесь на меня. Не стоит.

– Витя, ключи где от витрин и замков? – удивительно спокойно спрашивает старшой.

– Ну, я ж не сука последняя, Николаич – так же спокойно отзывается Витя, на этот раз без малейшего ехидства, – я их заныкал под прилавком. За пять минут отыщете. А вы, доктор, не вздумайте мне из этой дуры в спину стрелять, по-человечески прошу. Вас-то я, тем более, убивать не намерен – лично от меня вам спасибо, что предупредили, и если мои коллеги не нахрен дураки, то и вам ствол достанется. Желаю удачи!

Спиной он так и не повернулся; выходит, хоть и опустив ствол немного, но ситуацию держит. Мы так и смотрели друг на друга, пока он садился в довольно крепкий УАЗ, закидывал здоровенный рюкзак со стволами и патронами – тяжело ему было, но справился. Машина, стоявшая как раз под окнами магазина, берет с места в карьер. Перевожу дух.

Старшой, не медля, начинает рыться в хозяйстве беглого. Серега, разинув рот, стоит посреди зала. Пухлый одергивает на себе дурацкий полосатый свитер и говорит:

– Вот видите, хорошо, что не зарядили – пальнули бы в Витьку, а он бы в ответ... Хоть он и сукота, а стрелок отличный.

Почечник – Николаич, наконец, бренчит найденными ключами, лезет в стенд и снимает довольно невзрачную винтовку – судя по тонкому в сравнении с гладкоствольными пушками стволу – сопит, лязгает патронами. Поворачивается к нам, и до меня доходит, что эта, в общем небольшая на фоне монстров на витрине винтовка – переделанная СКС.

– Получается так – эта сволочь взяла действительно четверть патронов. Самых ходовых и нужных. Все говно 20 и 16 калибра оставил, а вот 12 выгреб почти весь. И по нарезному – те же песни. Ну и хер с ним, сюрвайвелистом недоделанным. Теперь весь вопрос – что дальше делать.

– Мне завтра надо будет докторшу забирать – из поликлиники. Хотел бы, чтоб вы мне в этом помогли, – Господи, до чего это глупо звучит!

– Очумели? Почему не сейчас?

– Она ставит эксперименты – на грызунах. Закончит завтра. Результаты, судя по всему, будут очень важны в дальнейшем – и вам тоже. Потому прошу помочь. И, кстати, мысль покинувшего нас Вити мне очень понравилась. Мне бы нормальное оружие сейчас куда как пригодилось бы. Похоже,

грабежи сейчас пойдут валом.

– В мать, – в сердцах вырывается у Николаича. – Так что – крысы, значит, тоже заражаются этой дрянью? Тоже оживают??

– Да, грызуны оживают. Это мне она уже сообщила. Но, судя по всему, будут и еще сурпризы»

Николаич смотрит на кассиршу – глупенького вида молодую женщину, которая все это время так и просидела манекеном с полуоткрытым ртом и, судя по его физиономии, проглатывает все то, что хотела сказать. Вместо заливистой рулады переводит взгляд на Сергея. Тот оживает.

– Я, похоже, с Витькой согласен. Тикать надо отсюда. Делим стволы – и дергаем. В большом городе совсем все плохо будет. Только зря он один дернул. Надо вместе держаться.

– Так, а что Андрей скажет?

– Ну, введут карантин, военное положение, патрули на улицы – зомбаков перестреляют, они ж только кусаться могут, против пули это не катит... И вставит нам Зиновий свечку из березового полена в задницу, когда нас эти патрульные подстрелят за здорово живешь. Или менты арестуют за ношение. Статью «три гуся» пока не отменили. Витьке до его нычек еще ехать и ехать, а любой гибддешник к нему прицепится... К слову, мы должны сообщить об ограблении магазина.

Николаич думает. Не выпуская СКС из рук, идет к дверям

и запирает их. Вешает какую-то табличку и возвращается.

– Получается, так. Андрей – звони в милицию. Серега – подбери комбезы попрочнее. Ботинки, носки. Ну, от зубов, короче. Доктор, идите сюда... Мила, сколько у нас на кассе сейчас – посчитай, чтоб точно.

– Странно, что ваши сотрудники никому не звонят.

– У Сереги вся родня и друзья – в Вологодчине. В лучшем случае, он им вечером отзвониться сможет. По ряду причин. Андрей – детдомовский. А у Милы такой милый характер, что с родней она не дружит. Своих я предупредил – жена сейчас отзванивается. Получается так, что надо сколачивать команду. Если хотите, чтоб мы вам помогли – придется вам плясать под нашу дудку. Что скажете?

– Мне еще домой надо, и обещал сотруднику одному его семье помочь.

– А сотрудник – того?

– Боюсь, что да. Но свое обещание я выполнить должен. Если б не он – я бы тоже вляпался. К тому же, кстати, в поликлинике сумка с медикаментами осталась. Не саквояж, а такая – китайская. Если все плохо будет – нам эти медикаменты очень пригодятся. Это я к тому, что завтра вам стоит мне помочь докторшу выручить. Насчет плясать под дудку – оно, конечно, можно, но тут смотря что у вас за команда подбирается. К слову, пример Вити и грядущий бедлам как-то подсказывают мне, что на ваш магазин будет обращено самое внимательное внимание... И боюсь, что не очень приятное.

– Что-то вы, доктор, многовато боитесь.

– Фигура речи. Раньше. А сейчас и впрямь боюсь, благо есть чего бояться. Если вы не заметили – магазин ваш уже обнесли. А есть еще и просто гопота и милиция – как принято в такие времена, может явиться конфисковывать. Да и банально рыбаки-охотники за патронами побегут.

– Ладно. Андрей, ну что там? Я, к слову, тревожную кнопку уже давненько нажал.

Андрей мрачноват и обескуражен:

– По 01 занято глухо, наше отделение не отвечает, позвонил в несколько соседних – отозвалось одно, но там выехать некому – более важные дела.

– Получается так, что ограбление оружейного магазина – уже и не повод приехать... Ладно. Делаем так: мы с тобой, Андрюша, держим магазин, сейчас возьми себе ствол и заряди. Присматривай и за задним входом. Сережа – возьми у Милы тысяч тридцать из кассы под расписку и бегом за продуктами. Ближайшие два дня, похоже, мы в магазине жить будем. Так, доктор – значит, увидимся утром. Дайте свое разрешение сюда.

И, к моему удивлению, старшой вписал мне рядом с «Хаудой» еще один обрез – дурацкого вида фермерский ТОЗ-106. Потом ушел в подсобку, вернулся с тремя такими «ружжжами» и на мой удивленный взгляд буркнул:

– Они все разные, и у каждого свои дефекты. Сборка

очень неровная. По уму, напильником и шкуркой доводить надо, но сейчас времени нет. Из винтовки доводилось стрелять? Из магазинной – не автоматической, а со скользящим затвором?

Из винтовки стрелять мне довелось, и я утвердительно киваю головой.

– Это ж где так повезло? Воевали?

– Не. В детстве свезло из немецкого карабина пострелять, а в армии на полигоне дали из «Мосинки» повеселиться – там им патроны списывать надо было. Ну, то есть они их списали, а надо было дорасстрелять оставшиеся пару сотен. Вот меня и поощрили.

Николаич с вниманием посучил затворами каждого обреза по очереди, пощелкал спуском, предохранителем. Заметно было, однако, что затвор тут ходит куда как тяжелее, чем в армейских винтовках – туго, рывками. Поразбивавшись с откидывающимся прикладом, Николаич, наконец, внес номер покрытого совершенно дурацким лаком рыже-желтого цвета обреза в разрешение.

– Тогда и с этим «Смерть председателю» разберетесь. Пишите расписку на сумму, – он продиктовал ценник этого чуда оружейной мысли. – Мила, пробей чек! Теперь дальше – стрелять только при откинута полностью прикладе. С прикнутом прикладом работает только бракованное оружие. Получается так, что если у вас такое будет выходить – гаран-

тийный срок год, – тут Николаич внимательно и как-то иронично, со скрытым смыслом глянул мне в глаза. – Брак заменим. Магазин на два патрона. Третий можно засунуть в ствол, но в городе, как знаете, ходить с заряженным оружием запрещено. Теперь пока посучите затвором, попривыкайте – я пойду с магазинами поколдую. Серега, погоди пока – вместе пойдете. И переоденься – слыхал уже, что кусать могут и человек, и крыса, и собака. Доктору тоже подбери.

Минут пять Старшой возился в подсобке. Андрей тем временем взял себе с витрины жутковатого вида винтовку, осмотрел, зарядил и теперь имел совсем нелепый вид – в куцем свитере и со здоровенным винтарем в руках. Однако держать оружие ему было явно не впервой. Немного подумав, он вытащил еще и гладкоствол – вроде бы «Сайгу» – и зарядил также и его. Получилось у него это даже щеголевато.

А вот у меня никак не могло получиться. Куцая фигуря имела необычно тяжелый ход затвора, аж со скрежетом. Предохранитель был тугой и засунут в самое неудобное место. Чуть ноготь не сорвал с пальца. Спуск тоже был тугой. В общем, туляки как-то не впечатлили. Да и вид был дурацкий, чем полностью соответствовал не менее дурацкой расцветке.

Правда, истину о «дареном коне с зубами» никто не отменял. Придя сегодня в магазин безоружным, теперь я уже был куда как более защищенным. Почему-то именно сейчас, когда я неловко дергал затвор, до меня, наконец, дошло, что

это действительно катастрофа, раз при мне грабят магазин и милиции дела нет; мне практически дарят ружье и, судя по всему, мне придется им пользоваться... Оставалась сильная надежда на то, что правительство города примет решительные меры и восстановит порядок. Но то, как моментально вышла из строя наша поликлиника и детский сад, говорило скорее в пользу моментального развала всего и вся.

Неясно было – только у нас эта беда или и в других городах то же самое? Эпидемия или пандемия?

Вышедший из подсобки Николаич протянул мне пару куцых вороненых магазинов. Они теплые – гораздо теплее, чем просто нагревшиеся в руках.

– Обточил, чтоб при выстреле не вываливались. Попробуйте.

Магазины вполне себе четко вставали на место и держались прочно. Хотя и тут было неудобство. Что за дурь – магазин на два патрона. Хотя б на пять, что ли... Все-таки нелепое оружие. По всем статьям.

– Зато двадцатый калибр. Это, знаете, впечатляет, – Старшой явно не страдает отсутствием наблюдательности и, видно, написанное на моем лице впечатление от ружья читается легко. – Ответственность на вас – за применение оружия. Так что постарайтесь меня не подвести. Особенно сегодня. Завтра, похоже, всем будет уже плевать. Получается так. Патроны держите. Эти – с крупной дробью. На малой дистанции

не хуже картечи будут. Если вляпаетесь – ружье вам продал Виктор.

Под внимательными взглядами Сергея и Старшего заряжаю магазины. Один впихиваю в ружье. Потом, слушая грамотные советы под руку, впихиваю патрон в ствол, третьим.

Сергей уже готов. Грамотно оделся, надо признать: комбез на ватине – сразу не прокусишь, высокие берцы, еще и какую-то ушанку напялил. Протягивает мне что-то из этого мешка – камуфляж, правда, дурацкий: рисунок как на шторах, что-то из утиной охоты, но в толпе попримечнее будет, чем ватник из дворницкой. Портки толстые. Сапожищи. Все, как успел заметить – из самых дешевых. Перчатки оставил свои. Еще получил рюкзачище литров на 100. Шмотки, которые я снял с себя, Андрей утащил в глубины подсобки.

Рассовываю оставшиеся латунные цилиндры патронов по карманам, снаряженный второй магазин. Карманы неприлично расположены, надо привыкать побыстрее, а то лопухнешься в неподходящий момент.

Теперь куда-то надо деть дурацкую уже «Хауду». В боковой карман рюкзака. Хотя интересно: а дробью, скажем, мельчайшей из нее можно палить? По тем же крысам ожившим? Надо бы попробовать. Действуя по принципу: «дайте, тетенька, водички попить, а то так жрать охота, что и переночевать негде и не с кем», задаю эти вопросы. С выражением на лице «семь бед – один ответ» Старшой отсыпает десяток

гильз, пачку капсюлей, чуток мелкой дробы и пачку пороха:
– Экспериментировать будете – не с руки стреляйте. Мое мнение – порвет эту железяку.»

Обмениваемся номерами телефонов. Все, двигаемся. Дверь за нами запирается, и я вижу, как опускается штора на окне. На двери табличка «Переучет»...

Идти неудобно, кулацкий обрез за пазухой, всунутый стволом в кармашек для мобилы, и непривычная одежда. И неразношенные ботинки... Что удивительно – движение на улице совершенно обычное, совершенно обычные прохожие – словно в нескольких сотнях метров и не творится чертовщина – или как можно назвать районный апокалипсис.

Так, теперь по планам Сан Саныча идет еда.

* * *

Виктор отзвонился Ирке еще по дороге. Она не подкачала – верная боевая подруга стояла уже на улице, ожидая его. Закинув в УАЗ пару здоровенных рюкзаков с тщательно отобраным для «ухода» имуществом и поцеловавшись с Ирккой, прыгнувшей на свое законное переднее место пассажира, Виктор погнал машину из города.

На улицах было спокойно, и если бы не его авторитет

и привычка Ирки повиноваться безукоризненно, то скорее всего посыпалась бы куча глупых женских вопросов. Но тут подруга сидела и внимательно слушала все, что он рассказывал. Она и сама обратила внимание, что милиции на улицах было чересчур много.

Мало бы нашлось сейчас людей, которые были рады наступающему БП. А вот Виктор – несмотря на хмурый вид и приличествующее случаю мрачное лицо – был в глубине души искренне рад.

Он чувствовал себя немножко Избранным, немножко Особенным и, уж точно, Самым Умным. Взгляд, скользивший по пешеходам и другим лохам, ехавшим в машинах рядом, явно имел оттенок превосходства. Он – Знал. А они очень скоро должны были в ужасе глупо и жалко передохнуть. В самой глубине сознания Виктор всегда страшно боялся одного: подготавливая всю жизнь к этому самому БП, положив на это массу сил, средств и отказавшись ради Спасения от очень многого, боялся, что все это будет зря. Что все усилия – даром и жизнь – псу под хвост. Что напрасны были ограничения, и зря отказывался от многих вкусовости жизни. Да та же Ирка – великолепный партнер и спутница в лесной жизни – отнюдь не была ни умницей, ни красавицей. Она была функциональна как автомат Калашникова и отлично подходила для роли Пятницы в предполагавшейся

Робинзонаде. Но и только. Как женщина она и впрямь скорее походила на мужика Пятницу...

Теперь надо было добраться до той глухомани, где он заботливо годами создавал себе Убежище – замаскированный бункер, склады с едой, топливом и всем прочим, что даст возможность с комфортом выжить в то время, когда все остальное человечество бесславно будет погибать в корчах.

Это был звездный час Виктора, и он старался запомнить каждый момент. Правда, он не рассчитывал на такой экзотичный конец человечества, скорее ждал чего-то более примитивного, типа ядерных ударов, но так было даже лучше. Людей не станет, а все блага цивилизации достанутся им с Ирккой. Неплохо быть наследниками у всего Человечества.

Впрочем, все было не так уж обычным – на выезде из города поток машин был куда как больше, чем обычно, причем легковушки были забиты под завязку и тяжело проседали под весом набившихся пассажиров. Много было «джихад-такси» – как понял Виктор, гости города что-то тоже пронюхали и сейчас тикали во всю мочь целыми многочисленными семьями.

Пост ГИБДД проскочили без задержки, хотя «проскочили» – неверно сказано: поток машин еле полз. Но, во всяком

случае, суетившиеся гибддешники на УАЗ не обратили внимания. Заправившись под завязку и набрав про запас три канистры, Виктор двинулся в экономном режиме к себе в Убежище. Пару часов все шло нормально, но потом Ирка первой заметила непорядок.

Впереди явно творилось что-то неладное. Пришлось тормозить – пробка была солидной. Высунувшись из машины, Виктор разглядел впереди стоящий поперек практически всей дороги дальнобой – фуру синего цвета, За ней торчало что-то грязно-белого цвета, похожее на другую фуру. Только сильно мятую и лежащую на боку.

Открыл дверцу и высунулся, встав столбиком, как сторожевой суслик – впереди была беготня и крики. Спокойно сел обратно, вывернулся через двойную на встречку, тоже блокированную, отметил бегающих на месте аварии людей – там, похоже, была какая-то зеленая куча металлолома на обочине, и весь асфальт был замусорен какими-то огрызками и обломками. Впрочем, место серьезной аварии всегда становится похожим на помойку.

– Объедем по проселку – тут, похоже, надолго встали, – сказал Витя спутнице.

– А что там, как считаешь?

– Да какой-то дурень выехал на встречку. Сейчас же развелось уродов с купленными правами. Мозгов нет, а нога

сильная – на газ давить. Вот и давят... Вот они и собрались. А так как явно покойнички должны при этом быть – значит, тут сейчас проблем не оберешься.

Трассу Виктор знал хорошо, и потому, вернувшись немного назад, опять развернулся через двойную перед мордой тормознувшей «Мазды» и скатился на дорожку, которая шла вдоль полей – что там растили, он не уточнял, но рассчитывал объехать пробку по этой рокаде.

Так и вышло, и через полтора километра его УАЗ выскочил на совершенно пустую трассу. Посмотрев назад, Виктор убедился, что там пробка достойная – перекрыто движение в обе стороны, и кроме двух фур и мятой зеленой жестянки покалечилось еще с пяток автомобилей. Усмехнувшись своей догадливости, Витя притопил педаль газа. Встречная полоса была забита машинами уже точно на пару километров, и пробка становилась все больше.

– Видишь, дурень на зеленой банке вылетел на встречку, воткнулся в белую фуру, ту закинуло, и она цапнулась с синей. Ну, а остальные не успели тормознуть, придурки. Пара – тройка дохляков сразу, да покалеченных не меньше, и если башка не совсем в кашу – значит, могли обернуться – среди этих зевак явно гуманисты нашлись, лекаря, понимаешь, спасители человечества. Ну, а теперь там все стоят куцей, хрен выедешь, да еще если зомби в толпе – укушенных

будет...»

Через пару десятков километров Витя засек притаившийся на съезде с трассы раскрашенный гибддешный автомобиль и двух доителей при нем. Местечко для доения было известное – как раз на выезде из деревушки, чуток не доезжая до знака, сообщающего о том, что вы изволили покинуть населенный пункт с перечеркнутым названием этого замухристого пункта. Ясен хрен, многие пролетали ее со свистом, эту сраную деревушку – и тут же попадали на сеанс машинного доения.

Ментов Витя не любил вообще. Любых. И потому мысль, пришедшая в его голову, не вызвала никакого возражения или сомнений.

Аккуратно подъехав и мягко затормозив, Виктор вышел с озабоченным лицом и, подойдя к старшему милиционеру, сообщил о «страшной аварии». Тот и ухом не повел, коротко буркнув, что это не их район, но они сообщат, после чего пошел к машине.

Виктор оглянулся, вернулся к УАЗу, открыл пассажирскую дверь, аккуратно вынул из-под тряпочки «ВПО-205-1ВЕПРЬ 12» и, аккуратно развернувшись, вцепил пулей в стоявшего к нему лицом сержанта. Тот даже удивиться не успел, завалившись как тряпишный куль навзничь.

Старшой успел обернуться – только для того, чтоб получить пулю в голову и рухнуть у патрульной машины.

Обернувшись и отметив, что никто ничего не заметил и на бабаханье ружья внимания не обратил, Виктор ловко и быстро снял со старшого АКСУ и запасной магазин, документы, ПМ с обоймой, легко переместился к другому мертвецу, забрав и его пистолет. За документами не полез – пуля неаккуратно влетела как раз в карман куртки – такое удостоверение впору в музей сдавать – после чего в темпе обнес и машину, став обладателем фуражки и милицейской рации.

Напялив себе на голову фуражку, положил карабин обратно за сиденья, добавил туда же трофейный АКСУ, вручил Ирке ПМ и посоветовал подобрать кобуру в сумке.

Ирка с напряженным лицом приняла пистолет. Похоже, тут она, наконец, поняла, что прошлая жизнь закончилась. Пришел пушной зверь или нет, но по-старому уже не будет.

Не очень торопясь и в глубине души наслаждаясь моментом, Витя, словно смотря кино с собой в роли героя, привычно тронул УАЗ с места, не забыв глянуть в зеркало – но на пустом сзади шоссе никто ему не угрожал...

Немного попортила кайф Ирка, мрачно заметившая, что фуражка не по сезону – двое патрульных были в шапках.

Виктор плюнул и на ее замечание, и на вопиющее нарушение формы одежды.

* * *

Магазинчик, в который мы заходим с Серегой, практически напротив оружейного, чуть наискосок. Выглядит он как маленький, недоделанный супермаркет. Видимо, болел в детстве или кормили его плохо, потому размерами и ассортиментом магазинчик не блещет, а так – и охранник на входе, и корзинки у открывающейся (вручную!) рамки входа в торговый зал, и даже касса на выходе.

Серегга, не слишком мудря, берет пару корзинок. А до меня доходит, что тащить здоровенный рюкзак с харчами почти из центра города в спальный район – наверное, не очень умно. Случись что – я буду неповоротлив и ни черта не успею предпринять для защиты и себя, и жратвы. И, между прочим, денег у меня тоже шиш. Даже доехать не на что. Чертова «Хауда» дороговато встала. Собираюсь выкатываться на улицу в поисках банкомата, но обернувшийся Серегга тормозит меня – как увидеть мог, глаза у него на затылке, что ли?

Не успеваю вразумить его, как он спокойно возражает, что раз мы собираемся действовать вместе, то сейчас я помогаю ему затариться и допереть до оружейки харчи. А там видно будет. Себе в дорогу тоже могу взять, что захочу, но без фа-

натизма – со здоровенным рюкзаком, действительно, сейчас в одиночку идти не стоит.

Дальше мы вдумчиво и без суеты ураганим по полкам, сметая характерный еще по бабушкиным временам алярм-набор: соль, спички, консервы и крупы с макаронами, копченую колбасу, сало, а подойдя к кассе, наваливаем шоколад и зажигалки.

Замечаю, что Серега хорошо знаком с кассиршей – хоть работает руками быстро и четко, но улыбается ей во весь рот и поглядывает на нее. Она отвечает тем же. Явный лямур.

Набрав пару корзинок каждый, подходим к кассирше. Девчонка делает круглые глаза и спрашивает: «Что, война началась?»

Серега чешет в затылке и начинает, запинаясь, рассказывать про то, что видел. Со стороны даже для меня это выглядит совершенно по-идиотски. Странно слышать своими ушами такие нелепицы. Если б только раньше глаза все это не видели.

Девчонка не верит и, совершенно заслуженно, полагает, что ухажер провинциально шутит. О чем тут же прямо и заявляет «приколисту дурацкому». Красный как рак Серега спихивает проблему разъяснения с себя на меня.

Спасибо за доверие, конечно, но вообще-то лучше бы сам

разобрался. Девчонка тем временем смотрит на меня. Симпатичная, и по глазам видно – заводная. Ну ладно, за время сегодняшних телефонных разговоров я уже откатал «рыбу» выступления и сейчас ее выдаю почти на автомате. Заинтересовавшись, подходит охранник. Он, видимо, считает себя тертым калачом, да еще перед девчонкой-кассиршей, и начинает задавать заковыристые вопросы. Нет, голубчик, так дело не пойдет. Дел у меня больше нет, кроме как тебя убеждать.

– Вы прогуляйтесь до поликлиники и гляньте сами. Только поаккуратнее – Серега, когда бегал, чуть дедушке-инфарктнику в лапки не попал. А потом будете говорить – розыгрыш это или нет. Пассажиры на «Титанике» тоже не думали, что утонут, когда в айсберг тюкнулись. Тоже, небось, не поверили бы, если б им это кто сказал.

– Я не имею права уходить из магазина! – отвечает несколько смутившийся охранник.

– А я вас и не заставляю. Мы вас предупредили. Верить или нет – дело ваше. Как опознать пораженного – мы вам сказали. Что делать – тоже. Так что смотрите сами – не дети.

Серый тем временем смотрит на кассиршу и выдает:

– Если что, Светка – звоните. Поможем. Чем получится.

Девчонка начинает привычно гонять покупки через лазер, выбивает чек, но похоже, что задумалась. Серега спрашивает:

ет, можно ли нам отгартать все в корзинках. Ему разрешают. Нелепой рысцой перебегаем дорогу.

Отмечаю, что часть лампочек в магазине выключена. Нас изнутри видно, а вот нам разглядеть, что внутри, сложнее, да еще и тамбур мешает. Открывает Андрей. Затаскиваем все внутрь, и я вижу, что работа кипит – похоже, что товар готовится к вывозу. Сильно опустели полки, зато посреди зала стоят коробки и сумки.

Тридцати тысяч хватает на три ходки. В последнюю наблюдаю себе, с благословения Сереги, совсем не то, что положено в таких случаях. Он сильно удивляется, но, выслушав довод о том, что сейчас мы еще можем себе позволить поесть сосиски, ветчину, пирожные, фрукты и, в конце концов, тот же торт из «Метрополя» вряд ли будет доступен в ближайшем будущем – находит в этом резон. Еще по моему совету сгребает несколько упаковок с яйцами: за ночь сварить их – не проблема, а вареное яйцо хранится долго и вообще куда лучше, чем сухари. Беру свежайший багет, и он повторяет, токо берет сразу несколько. Видно, что ему сложно переключиться на скоропортящиеся харчи, но он старается. Оба сразу вспоминаем, что из хлеба не худо бы и сухарей засушить: армейские на складах – то еще удовольствие. Правда, галеты еще хуже.

В зале тем временем оказывается несколько теток и му-

жичок – похоже, из персонала.

Светка-кассирша строго и одновременно как-то жалко смотрит Сереге в глаза, спрашивая еще раз – шутит он, орясина дубовая, или нет. Видно, что ей страшно и очень хочется, чтоб этот вологодский дурила расхохотался бы и заявил: «А здорово мы вас купили! Вона какие вы бледные!»

Серега явно сочувствует девчонке, но ничего утешительного сказать у него не выходит. Вместо этого он находит отличный выход – наезжает на трущегося рядом охранника:

– Ты уже мог бы обзвонить и спецтранс, и милицию, и свой дурацкий ЧОП! Что стоишь болваном деревянным! Не хочешь рисковать шкурой – так хоть подумал бы репой своей! Давно бы уже своих родичей предупредили все. А то стоишь тут, преешь!»

Поворачивается к Светке:

– Кончали бы вы работать. Ну, а когда будешь уходить – позвони, встречу.

Неловкое молчание. Платим. Идем на выход. Догоняет тетка в халате – судя по торчащим из кармана грубым желтым резиновым перчаткам – уборщица.

– Сынки, это правда, что мертвые оживают и едят живых?

– Правда, мамаша. Оживают. Но только свежие. Вчерашние и сегодняшние. Так что это не Апокалипсис. Это хуже.

Хлопает дверь. Когда идем через дорогу, слышим вдале-

ке истощный визг. Переглядываемся. Даже непонятно, кто визжал – мужчина или женщина.

В оружейном сумок прибавилось. В тамбуре, похоже, лампочку заменили – с полудохлой 20-свечовой, на минимум, на сотку.

Пока перекладываю отобранные для себя легкопортящиеся продукты для пира во время чумы, Николаич предупреждает, и весьма толково, о том, как лучше мне добраться до дома. Уже темнеет, так что его предупреждение к месту.

Договариваемся о времени встречи. Подумав, он говорит, что перед часом «Ч» надо будет связаться дополнительно. Весьма вероятно, что сидеть в магазине они уже не будут. Но по-любому – либо напишут новое место встречи, либо будут встречать, если телефонная связь гавкнется.

Спрашивать особо не о чем: в Нью-Орлеане, как только вырубилось электричество, открылись все электрозамки и отключилась вся сигнализация, глупые бандиты стали грабить лавки со спиртным, кто поумнее – ювелирные магазины, а самые умные в первую же ночь обнесли оружейные магазины. И потом с оружием легко отняли у других что хотели...

Конечно, оружейный магазин в США – совсем не то, что наши. Тем более что из нашего Витя упер, похоже, самые внушительные стволы. Но, тем не менее, арматурина или финка не пляшет против не то что СКС, но даже против дву-

стволки...

На прощание Андрей выдает мне здоровенный фонарь-дубинку, добавляет еще налобный светляк и снабжает тесаком. Тесак – вроде бы штык от винтовки, похож на маузеровский, но надпись дурацкая: «СОР USA». Вот уж в чем я точно уверен, так это в том, что американские копы такие китайские поделки точно не используют. Зато он разрешен – этот тесак почему-то считается «хозяйственным ножом»... Можно носить где угодно... Ничего не понимаю в наших законах... Забираю эту «Копушу».

Прощаюсь со всеми и выкатываюсь на улицу. Подморозило. Это хорошо – холоднокровные будут вялые. Теперь заскочить домой. Надо забрать документы – и свои, и братца, и родительские. Это тоже есть в плане Сан Саныча. После безопасности, еды и воды – ценности и документы.

По дороге заскакиваю в сберкассу – они уже собираются закрываться, но банкомат работает, и я снимаю все деньги с карты. Негусто.

На улицах, в общем, спокойно. Вроде пару раз слышал крики, но черт его знает, с чего это орут. До дома добрался без приключений, но головой крутил на 360... Похоже, это уже привычка.

Квартира у нас с входом по черной лестнице. Практически никто, кроме нашей семьи, по этой лестнице не ходит.

По нынешним временам это даже и удобно. Опять же, от бомжей недавно установили железную дверь, а то они на чердаке жили – с костерками и диванами. Уютненько так...

Перед тем, как открывать, смотрю – есть свет на лестнице? Есть – значит, фонари не понадобятся. Открыл, вот и квартира на втором этаже. Уф, можно в себя прийти.

Черт, хорошо как дома-то. И тут острая тоска накрывает совершенно внезапно: вот я ляпнул сегодня про «Титаник» – так и квартира наша как «Титаник» – уютная, привычная, комфортная, каждая вещь лично знакома и симпатична. С каждым пустячком связаны воспоминания. И все это придется бросить и, скорее всего, вернуться сюда будет уже не суждено. Скоро здесь от зомбаков будет не протолкнуться. И уйду я отсюда, скорее всего, навсегда. Особых надежд на то, что правительство справится с ситуацией, у меня нет. Пока раскачаются – пройдет два – три дня. А это критично. За день двести покойников. Двести очагов инфекции. Один очаг у нас в поликлинике дал не меньше двадцати зомби. Кто-то из обратившихся добрался до детсада. Только тех, кого видел я сам, там было еще не меньше двух десятков.

Уже сорок зомби. Потом должны были прибыть родители детсадовских. Детеныши, пожалуй, вряд ли могли бы нанести серьезные раны родителям. Значит, укушенные разбегутся, точнее – разъедутся. Часть в поликлиники и больницы. Часть по домам.

Итого – один укушенный выдал сходу не менее полусот-

ни зомби. Даже если остальные не так результативны, пусть впятеро меньше – и то за день из двухсот очагов стало 2000. А к утру их будет еще больше.

Раз ничего не предприняли сразу, то уже и не успеют – а как предпримешь? Стрелять без суда по живым людям? Ну да, не живым – но они же ходят – значит, и не мертвые. Да, к слову, и по мертвым тоже нельзя стрелять – сейчас ушлых адвокатов полно. Да мемориальцы и прочие правозащитники с говном съедят, а чиновники этого не хотят. Будут прикрывать себе задницы, пока в эти задницы не вцепятся зомбаки... Раз не предприняли ничего сразу – значит, все будет куда как хуже. Ушло время.

А приму-ка я душ! Когда еще получится... И чайник поставлю. И позвоню братцу.

– Дарова! Рад, что ты живой! Пока не забыл – у меня на мобиле 17 рублей осталось – если сможешь, накинь на счет, скоко не жалко.

– Свинина ты, братец! А чего сам не смог?

– Дык и денег у меня с собой не оказалось, да и уйти я сейчас не могу. Мы тут облажались немного. Гутковский так-ки отчудил. Открыл дверь и приказал кадаврам лечь на пол и не валять дурака.

А дальше прозектор прыгнул – и так, скажу, душевно прыгнул, что Гутковскому полморды снес. Этот козел даже пистолет не вынул. Ну, а следом и остальные поперли.

И тоже шустренько так. Короче говоря, я сейчас сам в морге – вместе с Мишкой Тихоновым. Мы тут заперлись. А кадавры – по Петергофу гуляют. Такие пироги.

– Это ж как у вас так вышло?

– Да просто: мужики стали по прозектору лупить из всех стволов, аж ключья полетели. Я им говорил, что в голову лупить надо, но знаешь – тут было от чего растеряться. Не попали ему в голову.

Он, естественно, на них кинулся – прозектор у меня и при жизни подрасться не дурак был. Они от него, он за ними. Бомжики тоже вылезли и тоже очень шустренько, знаешь ли, – эти за Гутковским увязались: он на четвереньках ухитрился еще метров сто пробежать, пока они его не догнали. Ну, а мы с Мишкой от страха бежать не догадались – и оказались с другого края этого веселья. Как я заскочил в морг – сам не знаю, ну а он за мной. Правда, со всем этим весельем у него всего два патрона осталось. В общем, почти комфортно. Но что делать – неясно. Я тут звонил, кому мог – деньги и кончились. Обещали помочь, но ближе к утру разве что смогут. По городу-то чертовщина творится.

– У вас там безопасно? Жратва, вода есть?

– Ну, если б не соседюшки пахучие, то лучшего и желать нечего – зданьице старое, кирпичное. На окнах решетки – трактором не выдернешь. Двери тоже старые, так что не взломаешь запросто. Из жратвы три бутерброда моего прозектора. С сыром. Ну, и кран с неисчерпаемой водой. Теле-

фон вот сдох. Так как Тихонов на бутеры не претендует – деликатный, видишь ли, сотрудник милиции – то по моим меркам дня на два хватит.

– А у этого Мишки телефон-то есть?

– Есть, но тоже счет обнулен. Нас вообще-то пообещали выручить, но пока, знаешь, никто не добрался.

За это время добираюсь до компа. Процент за перевод веб-мани на братцев счет просто грабительский, но зато быстро, да и нет у меня наличных лишних.

– Я тебе денег закинул, так что скоро получишь. А вообще – я тут с охотниками из оружейного магазина связался, и ты у Михаила этого узнай – может, кто там из охотников есть? На ментов я бы не рассчитывал – они вместе с медиками уже сейчас понесли такие потери, да и работы у них до дури. Охотники нужны – и есть надежда на то, что ночью холоднее, так эта шантрапа дохлая не так подвижна будет.

– Ага, понял. Я думаю, что пока тут отсидимся. А из охотни...

Кончились 17 рублей, похоже. Теперь в теплый сортир, душ и наконец-то – пожрать, а то ведь весь день возможностей не было. Эти радости жизни незаметны, когда пользуешься ими ежедневно. Но у меня был подходящий опыт, чтобы сейчас ценить и теплый сортир, и теплый душ с электрическим освещением. Достаточно недельку посидеть в поле-

вых условиях с оттенком свинства – и быстро поймешь радость от цивилизации. Ну, а уж вкусная еда... Это ж самое интимное общение со своим дорогим организмом. Просто праздник какой-то!

Ага, вот, понимаю, наконец, почему это бомжи только в морге обернулись. Видно, подзамерзли они в своем дачном домике, потому и довели их спокойно, и сгрузили. Как мороженое мясо. Как лягушек в зимнем анабиозе. В морге они и отогрелись. И обернулись – на радость санитару. Братец рассказывал, что прозектором он своего санитаря называет – тот не любит, чтоб его звали санитаром. Не любил, то есть. И получается, что прохладная погода – очень большое благо пока...

В жарко натопленной поликлинике мертвецы обращались быстро, а бомжи умерли не то от переохлаждения (были заморозки, а пьяные часто от замерзаниядохнут, причем не обязательно температура должна быть очень низкой; от переохлаждения и при плюсовой загибаются – у пьяных терморегуляция никакая), не то еще и от отравления угарным газом. То, что они отравились – как-то повлияло? Или поровну зомби, что за нарушения биохимии у него были при жизни?

Смерть от отравления вызывает метаболические изменения в организме. Нарушается биохимия. Замерзшие бомжики, найденные то ли их приятелем, то ли сторожем, то ли

дачиком (а в Петергофе дачи – это будочки скорее, и жителям до них не 100 км ехать, вполне мог кто-то зайти после работы), отогрелись токо уже в море. Благо, там ехать – опять не 100 км. Надо насчет биохимии проверить. И то, что мерзлые не оборачиваются или в анабиозе находятся – тоже запомнить.

Включенный дуроскоп на редкость малоинформативен. Оказывается, престарелая Лолита, наконец, собралась стать лесбиянкой. Ценная информация. Малахов радуется постановочными истериками. Но вроде бы об этой именно передаче толковали наши санитарки – получается, повтор гонят. Так, что в компе? В компе интереснее. В Москве, похоже, Жопень началась на несколько дней раньше. В Германии та же херь, как у нас в Питере. Хотя, судя по ю-тубу, часть роликов – чисто постановочные. Черт, заляпал клавиатуру – не дело лопать и смотреть инфу на мониторе. А заляпал, потому как ролик из Дюссельдорфа просто напугал – похоже, что такие же шустрики, как изменившийся прозектор, у них там уже есть. Кто-то отснял нападение такого – они его называли метаморфом – на прохожих внизу, прячась этаже этак на третьем. Похоже, что такие шустрики опаснее десятка обычных зомби. А в Петергофе героический начальник выпустил на волю пятерых таких зверушек...

Похоже, что шустрыми они становятся, нажравшись свеженины. Ведь начали-то не с полежавших с осени, а имен-

но со свежего мяса. И изменились при этом – челюсти себе отрастили. Зубы.

Так, перекусили – надо передохнуть и прикинуть, что брать. Ложка, кружка, термос. Мамины сережки-колечки. Документы, что, слава богу, сложены мамой в одном месте.

Карты города. Автомобильный атлас. Складной ножик, чтоб со штопором и шилом. Овечью шкуру и кожаное покрывало, да еще маленькую подушку – спать-то придется, скорее всего, не на постели. Клеенку. Теперь прямо стопкой – белье с носками. Трусов с футболками пары четыре получилось – самое то. Так, мыло, полотенца, щетка зубная, бритва. Помазок. Шампуни и кремы... Не, не понадобятся. А вот ящик с медикаментами и бинтами – в мешок. Старый туристический примус бензиновый – в кучу, понадобится. О, люменевую кастрюлю побольше. Надо бы и чайник, но это не критично. Вот, вспомнил – сахар, чай. Кофе забрать. Оставлю чуток – на разок посидеть – мало ли, еще вернемся. А не вернемся – вроде как уходить легче.

Теперь вытащить с полки «Справочник практического врача» и для души чего – ну, вот «Уленшпигеля», например...

Что-то еще забыл... Ага, кроме этих шмоток, надо бы и что полегче. Вроде спортивного костюма. И сандалии – если будем в помещении, то в берцах запаришься все время ходить. Кроссовки еще стоит взять...

Вроде все. Посидеть теперь перед дорогой, подумать. Что забыл? А флягу с водой забыл! Не мудрено – не в Сахаре живем, вода в нашей области куда как часто встречается. Но еще Сан Саныч толковал, что во время бедствий воды-то, может, и много, а вот чистой воды – мало. И приводил в пример наши наводнения, когда в разлившейся невской водичке плавают всякое такое – от покойников и дерьма до всякой химии и нефтепродуктов... Пить ее – все равно, что лизать тротуар... Получить дизентерию посреди всего этого – мало радости. Звоню родителям и тут уж выкладываю все как есть. Успокаиваю за нас с братцем и очень настоятельно прошу принять все меры. **ВСЕ МЕРЫ!**

Ну, вот вроде и все. Закрывать все краны, выключить электричество, перекрыть газ. Посидеть молча, выслушать советы духа дома и пора двигать. На внутренней двери пишу кусочком мелка: «Опасно! Зомби!» и окончательно прикрываю входную дверь.

На улице сеет мелким снежком. Это хорошо. Похолодание сейчас как раз кстати.

Останавливаю машину. Мрачный водила заряжает аж 400 рублей... Соглашаюсь, заметив, что знаю важную информацию. Его, похоже, ничего не волнует, кроме денег, и он заявляет, что свои басни могу оставить при себе. Ну, как скажешь. Впрочем, далеко уехать не получается – рыдван бом-

бины глохнет. Подождав пяток минут, пока он рылся под капотом, вылезает и говорю, что не могу ждать. Накурено у него в тачке зверски. Сказать ему нечего, и он ругается – так, безадресно, в воздух.

Вторая машина останавливается почти сразу. В салоне пахнет чем-то сладковатым, и водитель весь из себя лучится благостью. Но заряжает те же 400... Оказывается, ему самому нужно ехать в Купчино и, похоже, мое предложение его заинтересовало – видно, что он любопытен, и характер у него живой.

Выкладываю ему стандартное свое, уже обкатанное за день, сообщение. Хмыкает, потом заявляет: «А с виду трезвый!». Улыбаюсь ему в ответ и спрашиваю, есть ли у него знакомые медики и милиционеры.

Таковые наличествуют. Любезно предлагаю отзвониться им. Еще раз хмыкает, выбирает освещенное и людное место, ловко втирает машину между двумя стоящими у обочины. Начинает звонить. Три первых абонента не отвечают, четвертый говорит возбужденно и громко, но я ничерта не понимаю. Видно, что водитель сильно встревожился, а после еще пары звонков он уже взвинчен. Смотрит на меня уже невесело. На последнем звонке все же успокаивается – видно, звонил домой, и там все в порядке.

– Бу каза!

– Что?

– Извини! Плохо все. Не наврал ты, а лучше б наврал...

Впору тебе деньги давать!

– А я помню, у вас принято вестникам с плохими вестями свинец плавленный в глотку лить!

– Это не у нас, у узбеков. У нас за хорошую разведку, наоборот, награждали. Говори, что еще знаешь.

– Давай поедем, а?

– Да, конечно...

Ехали, в общем, недолго, основное я успел выложить. Слушал меня водила внимательно и старательно. Как прилежный ученик-отличник.

– Вот этот дом – твой. Это моя визитка. Рахмат тебе! Удачи!

– И тебе тоже. Осторожней будь!

– Это буду!

Перед металлической дверью парадной некоторое время копошусь, стараясь поудобнее расположить хоть и легкий, но неудобный рюкзак и, главное, приспособить к быстрому использованию «Смерть председателя». Набираю номер квартиры в домофоне.

– Кто? – басок, но не мужчины еще, а парня.

Называю себя, отрекомендовываюсь. Щелкает замок. Распахиваю дверь пошире и старательно осматриваю площадку и лестницу. Вроде, никого. Аккуратно вхожу и, практи-

чески в открытую держа ружье, начинаю подниматься. Лифтом пользоваться страшновато – еще застрянешь, чего доброго, выбирайся потом. На лестнице другая проблема – есть непросматриваемые куски. Вот и думай.

Но на лестнице никого нет – ни живых, ни мертвых. Дверь в квартире открывается сразу – явно наблюдали за моим подходом в глазок.

Вхожу в светлую прихожую. Рослый парень, очень похожий физиономией на Сан Саныча, оказывается сыном, Сан Санычем младшим. Оригинальный и разнообразный в семье выбор имен, ничего не скажешь. Жена тут же – невысокая, спортивного покроя женщина. И мать, и сын мрачные и радости особой не выказывают – ну да и понятно: чему тут радоваться.

Получаю тапки, сваливаю с себя груз и охотничьи доспехи. Жена Сан Саныча – Дарья Ивановна – приглашает поужинать. Им самим неохота, а вот меня покормить стоит.

Покормить – это замечательно. Это я всегда с удовольствием. Тем более что оказывается и очень вкусно. Пока я жру в три горла, хозяева сидят за чашками с чаем и слушают, что я им рассказываю. Тактично сообщаю, что Сан Саныч был жив к моему уходу, и мы с ним встретимся завтра. Вспоминаю, что на столике у начмеда были пустые упаковки лекарств – до меня доходит, что Сан Саныч под руководством Валентины съел все, что могло бы помочь от бактерий

и вирусов. Упоминаю и это.

Младший Сан Саныч (договорились, что я буду называть его Саша, фамильярное Саня было отвергнуто с места и категорично) аж подпрыгивает, когда я рассказываю о покупке «Хауды».

Он потрясен тем, что я выкинул кучу денег на такое барахло. Это же не оружие, тем более и против зомби оно бесполезно. В глубине души я с ним вообще-то согласен, но что сделано, то сделано. В конце концов, купив эту штуковину, я расположил к себе торговцев, а также возможно, что она и пригодится – скажем, как оружие последнего шанса. Может быть, из нее можно будет стрелять и дробью.

Похоже, я не преуспел. Саша смотрит на меня с сочувствием. Как смотрят на дурака, облапошенного кидалами-наперсточниками. Сам он все время держит под рукой здоровенную одностволку, вызывающую у меня стойкую ассоциацию с прикладом, прилепленным к куску водопроводной трубы. Оказывается, это чудо отечественного гения называется ИЖ-18 и является забавной штуковиной – это «Магнум», и при стрельбе можно использовать особо мощные патроны. Лупит на 60 метров, что для ружья очень порядочная дистанция. Особо отмечает, что конструкция простая, может вытерпеть многое, и ее в семье называют «Гаубица».

Вспоминаю, что вообще-то у меня тоже не одна «Хауда».

Показываю обрез. Учитывая многозначительность Николаича в магазине, разряжаю рыже-желтую приبلуду и проверяю, работает ли она при неразожмнутом прикладе. Оказывается, отлично работает! Ишь, хитрый Николаич. Получается, что у меня этакое куцее ружье и одновременно длинный пистолет. Правда, при пистолетной стрельбе отдачка будет сокрушительная, но раз я в детстве вынес стрельбу из Конатовского обреза трехлинейки, то уж во взрослом состоянии с гладкостволом справлюсь. Теперь надо бы немного подшлифовать детальки ружия, чтоб затвор не ходил со скрежетом.

Саша притаскивает ящик с напильниками, надфилями и шкуркой. Посматривая в руководство, разбираем оружие, потом начинаем прикидывать, что трется и где.

Все-таки это позорище, что охотничье оружие выпускается таким грубо сляпанным.

Единственное, что утешает – Саша, взяв посмотреть «Копушу», порезал палец о металлическую деталь рукоятки. То, что китайцы делают оружие еще хуже – несколько нас радует. Теперь я шкурю свою «Приблуду», ибо так я нарек богом данное мне оружие, а Саша, шипя и ругаясь, проходится надфилем по тем частям «Копуши», которые не являются лезвием.

После долгих усилий добиваюсь того, что затвор ходит хоть и не так, как в той же трехе, но и не как трамвай поперек

рельсов. Добавить смазки – и еще лучше будет.

– Мальчики, а вам в магазин не стоит сходить? Пока еще нет ажиотации, а потом ведь может и не получиться. А так все с продуктами будем, да? – это Дарья Ивановна.

– Да сейчас уже, вот уже почти готово! – Саша начинает распахивать инструменты. – Но я думаю, лучше б ехать. И спокойнее, и больше увезем.

Тут не поспоришь.

Прособирались все же долго. Пожалуй, десять минут ушло на обсуждение того, стоит ли Саше взять с собой «Хауду» или нет. К этой недопушке он испытывает самую настоящую неприязнь, а с другой стороны, ехать безоружным или ходить по залу с топором как-то неловко. Наконец, его мать веско говорит: «Сейчас возьми, что есть, а дальше видно будет, да?» Побурчав, Саша смиряется и забирает себе обрез. На лестнице пытаемся отработать тактически правильный спуск, но вообще-то выходит плоховато. То я, забывшись, лезу ему под стволы, то он забывает, что и сверху-сзади на нас могут уже напасть. И это не обязательно будет тупой малоподвижный мертвяк, может уже оказаться и живчик.

В «Окей» уже не успеваем, поедem в «Ленту» – она круглосуточная. Машинка – видно, что ухоженная – непритязательный «Логан», современный аналог той «шестерки», что у моих на даче. Водит Саша аккуратно, но видно, что опыта небогато.

Машин на стоянке неожиданно густо. И народу много. С трудом находим место. Каталку успеваем перехватить от соседнего авто. Пока едем, оказывается, что тележка колченогая – не столько едет, сколько волочится.

Народу много, а вот товаров уже и не густо. Местами стеллажи внизу пустые. Но мы не привередливы, и скоро тележка набивается до верха. Заодно и хлеба набрали кучу.

Если его и не перестанут печь, то вполне вероятно, что нам будет до хлеба не добраться – потому разговор о сухариках самодельных приводит к консенсусу. Водки уже нет. Но мы не гордые – берем картонные упаковки с сухим вином. Если кто не знает, добавить в воду полезно: и жажду утоляет лучше, и обеззараживает, если что.

Спокойная обстановка в магазине плохо на нас действует. Ну, с Саши какой спрос – а я вот, пожалуй, дал маху. Когда уже расплатились, мне в голову пришло еще набрать пакет шоколада – благо, эти батончики и плитки прямо у кассы в лотке – и Саша покати́л телегу один. Очередь хоть и нервозная, но к тому, что я шоколад прикупил, отнеслась не то что внимательно – а, пожалуй, что взяла как пример. Несколько человек тут же снялись с места и целеустремленно зарысили – уверен, вспомнили о том, что шоколад долго не пролежит в магазине в такое-то время, и сейчас он уже не лакомство, а очень ценная еда, занимающая мало места, но сыт-

ная. Дали расплатиться мне без проблем. А вот уже на стоянке я увидел, что поступил глупо: около нашей машины была какая-то не то что толпа, а вот группа людей – человек так пять – шесть. И Саша стоит, прижавшись к машине и как бы отгородившись тележкой.

Подбегаю сбоку. «Приблуду» уже вытянул. До компашки метров шесть – теперь вижу, что это низкорослые азиаты – похоже, гастарбайтеры с ближайших строек. Саша злобно щерится, и самое смешное, что держит в руке ту самую «Хауду».

– И что тут у вас? – спрашиваю. Получаю смесь на разных языках в том плане, что жрать нечего, и надо бы делиться. При этом мне кажется, что настроение у компашки изменилось: я им сбоку не очень нравлюсь – и потому, что если начать палить, то у них ситуация хреновая – кого-нито задену, а так как сбоку – то двоих – троих одним махом. Джамшуты не готовы напасть, хотя если у того, что ближе ко мне, не дубинка в руках – то я совсем без глаз.

– Ладно, на эту машину положу еду. А вы отходите подалее. К магазину. Уедем – заберете еду. Не отойдете – будем стрелять!

Джамшуты, покурлыкав между собой, делают попытку приблизиться ко мне, но я это пресекаю злым рявканьем. Понятно, им хотелось бы разжиться двумя обрезам, но боязно. Тут самое главное – не дать даже подумать о том, что

ты их боишься – южане это чувствуют инстинктивно, и пощады не будет. Но вот если удастся выдержать психологическую дуэль – отступят. И гастарбайтеры отходят поодаль. Чтобы поощрить разумный ход, выкладываю на капот стоящей рядом «Тоеты» несколько батонов и зачем-то взятый Сашей пакет с сосисками «Говяжьими». Стоят эти сосиски аж 96 рублей за кило, так что мясо там явно не ночевало, и Аллах не накажет за свиноедство. А брюхо набить – вполне пойдет. Далее стремительно, как в соревновании «Сколько калифорнийских студенток сможет залезть в телефонную будку», забиваем багажник покупками, не забывая поглядывать на гастеров, да и вокруг.

– Фукс, набивайте грот! – неожиданно выдает Саша. А, ну да, похождения капитана Врунгеля. Потом он плюхается за руль и аккуратно выезжает со стоянки, а я, как президентский телохранитель трусцой трушу (или труссию?) рядом – случись что нештатное, среагировать мне будет проще.

На выезде «Логан» притормаживает, я влетаю в салон, и мы тут же дергано рвемся по улице. Хорошо вот, салон у «Логана» высокий – прыгал бы так куда в другую машину, долбанул бы башкой – бывало такое.

Водитель перегазовывает и сучит ручкой переключения скоростей – видно, что переволновался.

– То ли они не собирались нападать, то ли неопытные еще. Могли бы не кучей подходить, а один кто-нибудь дал бы мне

сзади по затылку – и всех дел. Я бы и не заметил. А то стали танцы с перестроениями устраивать и дубинки с арматурой показывать. У одного, кстати, и молоток был.

– Ну и хорошо, что неопытные – дешево отделались. Сами мы хороши гуси – нельзя ходить поодиночке, это не американский триллер, где обязательно всем надо «разделиться». Токо парой!

– Это да! – отдувается Саша и начинает хихикать – А этой дуры они сразу испугались. Видно, не знают, что это белиберда. Белиберданка! Так бы взялись за меня быстрее.

Меня тоже пробирает истерический смешок – хорош бы я был, привезя матери сына с пробитой башкой. И привезя ли еще – мог бы и сам огрести. Даже если б завалил одного или двоих – остальные могли бы и не дать мне передернуть затвор... Да и по-любасу там три патрона. Всего.

Подъезжаем к дому. Машину ставим ближе – чтоб в случае чего с лоджии можно было ее увидеть и обстрелять, если кто нехороший будет отираться рядом. Уже собираемся класть продукты по сумкам, когда в голову приходит, что без разведки соваться в подъезд не стоит. Мы болтались больше часа – мало ли что. А так, словно два навьюченных ишака, мы будем просто вкусной и легкой добычей. Даже точнее – питательной и легкоусваиваемой пищей. Этот вариант категорически не нравится.

Решаем сходить налегке. Теперь Саша уже держит «Ха-

уду» без брезгливости. На подходах к подъезду настораживаемся: слышен истошный собачий лай, как минимум, двух собак – одна явно какая-то мелкомелкая собачонка, вторая по голосу – лайка с хорошо поставленным гавканьем.

Саша наострил уши:

– Это пуделятина с первого этажа и брехолайка со второго. Но они так дружно никогда не брехали.

– Значит, что-то не так!

– Мудрое замечание!

Переглядываемся. Значит, надо дверь открывать так, чтобы что-то оттуда не выскочило сразу. Саша примеряется, чтоб при открывании дверь не распахнулась больше, чем на 10 – 15 сантиметров. Я встаю, чтоб видеть, кто полезет в щель, и при этом чтоб не влечь дробью в ногу партнеру. Дверь железная, кругом железо и бетон – не хотелось бы и самому на рикошетах попасть под раздачу.

Рукоятка затвора вверх-вниз, клац-клац, теперь на боевом взводе.

– Открывай помалу!

Домофон курлыкает простенькую мелодию, Саша начинает тянуть на себя дверь, стопоря ее ботинком.

Бамм! – что-то с грохотом долбает в дверь с той стороны, так что даже ботинок ее не удерживает и отъезжает на несколько сантиметров. В просвет высовывается какая-то дрянь, похожая на валенок, очень грязный валенок.

Напарник ответно наваливается со своей стороны на дверь, стараясь этот валенок прищемить, но дрянь лезет как паста из тюбика – медленно, неотвратно, причем это сопровождается странными звуками – каким-то сипением и царапаньем.

Отпрыгнув рефлекторно, замечаю, что валенок – с глазами и зубами. Собака!

Ах, ты ж сука чертова! Еще раз прикинув, что ни по кому, кроме животного, не попаду, крепче хватаю «Приблуду» и давлю на курок.

Дадан получился добротным. Уши заложило. Обрез рванулся из рук и ослепил снопом огня. А собака перестала вылезать.

Стоящая у подъезда машина радостно верещит разными механическими голосами, через одну откликается другая. Сейчас вообще-то народ должен начать высовываться в окна.

Осторожно смотрю на псину. Похоже, что сработало как надо: аккуратно в башке дыра, если после такого попадания у собаки-зомбаки мозг остался не разрушенным, то ни черта я в анатомии не понимаю. Ну, так дистанция меньше метра. Пытаюсь рассмотреть, что там, в подъезде, за собакой. Там пусто и светло.

Саша осторожно отпускает дверь. Зомбака съезжает вниз и лежит, как и положено дохлому животному. Это видно вообще-то: живые не могут лежать так, как трупы. Трупы

как-то по-особенному обмякают, их словно приплюскивает к земле.

– Ну что, пошли дальше?

– погоди, перезаряжу, – аккуратно выдергиваю гильзу – пригодится переснарядить, загоняю патрон в ствол. Потом меняю магазин – три лучше, чем два, как ни крути.

Приоткрываем дверь. Вроде пусто. Машины верещать перестали, да и собаки что-то утомонились. Пуделишко еще вякает, но без прежнего усердия, а лайка так и вообще заткнулась.

Заглядываю дальше. Вроде, все спокойно. Хотя покойники как раз стоят спокойно, если вспомнить неподвижного дедушку у садика.

– Мне всегда не нравилась эта гнусная Альма и хозяйка ее, сука пьяная – тоже не нравилась, – говорит Саша сзади. – Надо бы псину отсюда убрать, иначе дверь не закроем.

– А как? Руки и ботинки марать неохота.

– Сейчас ветку сломаю потолще – оттартаем.

– Стой, только вместе!

Аккуратно выбираемся из подъезда. Вокруг много кустов, но жидких. А псина – здоровая дворняга, покрытая грязной свалявшейся шерстью, похожей на войлок, и явно тяжелая – большая и толстая. Этакий цилиндр волосатый на ножках. Наконец, попадаетея что-то подходящее. Оглянувшись, чтоб

никто не помешал, Сан Саныч младший начинает выламывать подходящий сучок. Треску от его деятельности – как от танка в лесу. Наконец, подходящий сук в руках. Со стороны смотреть на него смешно. Просто иллюстрация к тому, как и что сделало из обезьяны человека. С трудом, подцепив псину палкой за ошейник, Саша оттаскивает тушу в сторону от двери. Все это время для меня самое сложное – не любоваться, как работают другие, а наблюдать за обстановкой. Взгляд все время возвращается к пытящему напарнику, а это нехорошо. Очень нехорошо. Не догляжу – обоим хана.

– А кто-то Альму хорошо драл – бочина в крови, лапа перебита, – отмечает Саша, разглядывая тушу. – Так что тут, возможно, еще собачки такие же ходят!

Это прекрасно. От собачки драпать сложнее, чем от детишек. И зубки даже у этой дурацкой Альмы – куда как больше приспособлены кусаться, чем человеческие. Меня дважды собаки кусали – и впечатление самое гадкое. Локоть после такого укуса месяц сгибался с трудом, а овчарка только прихватила, не было у нее тогда желания откусить кусок меня. Теперь же – такое желание у дохлых псов будет. А еще и крысок не забываем...

Теперь, когда железная дверь за нами закрылась, как-то даже и веселее – приятно, что за спиной никто не появится. Правда, из подвала или мусоропровода крысаки могут выбраться, но тут уж смотреть надо внятно. Начинаем не торо-

пясь подниматься. На первой площадке Саша начинает ломиться в обшарпанную дверь – лупит в нее ногой и кулаками. Видимо, у него есть резоны. Поглядывая по сторонам, вижу, что кровавая мазня как раз у двери и на двери – тут, видно, псина и обратилась. А Саше не терпится поговорить с хозяйкой. Немного недоумеваю, почему он не звонит, пока не убеждаюсь в том, что звонок у двери отсутствует как класс. Впрочем, никто ему не открывает, а наоборот – распахивается дверь квартиры наискосок. Видна женщина в халате, за ее спиной долговязый парень и мелкий пуделишко, который тут же начинает уже знакомо лаять. В другое время я бы сказал, что животное паскудная, и пнул бы ее с чувством выполненного долга, а сейчас, наоборот, испытываю умиление и желание собачонку наградить – выручила она нас серьезно.

– А, это вы тут шумите, – облегченно говорит женщина. Видно, что она узнала Сашу и успокоилась. А вообще молодец, конечно: выперлась на площадку – кушайте меня мухи с комарами. Вот она – Я! И дверь нараспашку.

Напарник здороваается. От души благодарит за собачку-сторожа. Женщина в халате весь день не выходила из дома, сын, судя по всему, рубился в «Линейку» – благо, у него выходные – потому наши новости для них неожиданны... не знаю, поверили ли они в это, но соглашаются отзвониться Саше, если их собака опять закатит истерику. Она, оказывается, лаяла так час – и никакие привычные меры на нее не

влияли. Теперь-то ясно, что собачонки на мертвечину реагируют истерикой. Это замечательно. Вопрос в том, на всех обернувшихся вообще или токо на собак. Надо бы проверить. Прощаемся, идем на второй этаж – те же разговоры с владелицей лайки. Она, правда, так дверь и не распахивает, осторожничает. Потом зовет мужа, и дверь раскрывается на длину цепочки.

Смекаю, что Саша пытается организовать примитивную сторожевую службу. А что – разумно. Почему-то он звонит не во все квартиры. Открывают в шести – на пять этажей. Вроде как верят, что в городе неладно. Но вот насколько верят и как себя поведут – один бог ведает.

Наконец – дома, разведка заняла добрый час времени, и Дарья Ивановна уже звонила сыну. Успокоил он ее или нет – не берусь судить, но перезванивать не стала. А я, пока Саша общался с соседями, звякнул в оружейный магазин – Николаичу. Подошел, правда, Андрей, выслушал про собак, выразил благодарность (какой-то он немного чопорный и ходульный) и сообщил, что они нашли хорошую базу, где можно неплохо устроиться. Где это – он пока говорить не станет, утром сам увижу. В магазине они оставаться не будут – была еще одна попытка нападения неизвестных лиц, которую удалось отразить, но все равно место неудачное, они уже в этом убедились. Так что утром мне лучше прибыть на встречу со всем своим добром.

Спрашиваю, как быть – у меня двое спутников. Обещает уточнить у Николаича, когда тот вернется, но полагает, что, скорее всего, ответ будет положительный. По дороге неплохо бы еще разжиться едой – сколько сможем. Отвечаю – принято, даю отбой.

Рассказываем о том, что с нами происходило. В ходе рассказа, правда, гастеры становятся бЭднИми христианами, которые попросили покушать, да и Альма предстает не такой жуткой скотиной. Вообще-то говоря, мы сами устали как собаки.

Дарья замечает, что нам неплохо бы поспать. Она все равно не заснет, и потому нам стоит сходить и принести часть хлеба из багажника – она сумеет до утра засушить сухариков. И нам полезно, и ей отвлечься стоит. В этом есть смысл – тем более что на лестнице вряд ли кто новый появился. Вздохнув, отправляемся уже знакомой дорогой. На этот раз я уже не так часто лезу спиной на Сашины стволы, а он не забывает контролировать заднюю полусферу. Немножко гордимся этим, хотя я прекрасно понимаю, что наши экзерциции насмешили бы любого бойца штурмовой команды до слез.

– Надо бы нам еще походить вместе, а то тут «френдли-файер» не отключишь, – замечает сзади Саша. Что верно, то верно. И не респауниться, если что... И, к слову, вес ограничен, боеприпасы весят не по-детски, не сейфануться, не говоря уже о том, что получив по башке палкой или пулей

в ляжку, не отделаешься моментально съеденной аптечкой, а будешь ковылять и лечиться, лечиться и лечиться... М-да, компьютерные игры куда как спокойнее...

Когда продвигаемся от подъезда к машине, кто-то окликает сверху. Это Дарья Ивановна с «Гаубицей» решила нас подстраховать с лоджии. Ну что ж – это еще лучше. Забираем хлеб из багажника, обе упаковки яиц и без проблем, но подстраховываясь, возвращаемся. То ли мне кажется, то ли уже спаркой идем неплохо.

А вот гордыне предаваться не надо, как это у меня всегда выходит: только начнешь красоваться, так обязательно опозоришься – и тут нога у меня, такого героического и бравого, неудачно встает на ступеньку, соскальзывает, и я чуть не втыкаюсь носом и обрезом в бетон площадки, судорожно оттрепыхавшись руками и ногами. Хлеб веером разлетается из пакета по лестнице. Ай, молодца! Еще хорошо, что палец держал не на спусковом крючке, а то еще бы помпезнее вышло.

И ведь знаю за собой это: как токо начинаю бельмондовствовать, так черт те что выходит. И давно уже – начиная с шестого класса, когда захотел покрасоваться в автобусе перед тремя симпатичными девчонками и потому на своей остановке не вылез, а выпрыгнул, как молодой гепард. Ну, и воткнулся гепард темечком в притолоку двери, а дальше уже вылетел ногами вперед. Устоять, правда, устоял ценой неле-

пых телодвижений, только там лужища была по щиколотку. Вот я в нее и шлепнулся. С брызгами. Прежде чем двери закрылись, я еще и обернуться успел. Девчонок этих аж скрючило от смеха. Так и уехали. Именно тогда я и понял, что это такое – героичная кинематографичность в реальности. В жизни-то дублей не бывает, потому не выживайся, дорогой друг.

С присловьем: «Пока не набежали...» Саша шустро начинает собирать буханки.

Не совсем понимая, уточняю: «Кто? Соседи?»

– Не, микробы! Если упавшую еду быстро поднять с пола, то микробы набежать не успевают!

Понятно, шутка такая...

Дарья Ивановна тут же начинает бурную деятельность: варит яйца в луковой шелухе, достав угрожающих размеров кастрюли, рубит хлеб на аккуратные ломтики и вроде как успевает все одновременно. Ловко это у нее выходит. Глядя на женскую работу, вспоминаю, что перед сном желательно разобраться с мужской. Выгребаю в комнате все свои боезапасы, включая и те, что к «Хауде».

– У тебя сколько патронов к «Гаубице»? – спрашиваю у Сан Саныча – младшего.

– Пять. Крупная дробь. 12 калибр. «Магнум».

– А у меня к «Приблуде» – 22 россыпью, да в магазинах 5, да один стреляный. А 12 калибра – гильз дюжина. Знаешь,

мы вообще-то могли бы сейчас тебе боезапас пополнить. Токо вот дробь нет, а эта – как маковые зерна. Я ее думал на крыс из «Хауды», но пока не до того.

– Дробь мы сейчас сделаем, – отзывается Саша, вставляя в неполный магазин тускло-желтый латунный патрон.

– Это как – лить расплавленный свинец с лоджии? – вроде как таким макаром, как я слышал, дробь и делают – и пока капелька летит с высоты специальной дроболитейной башни, то остывает – получается круглый шарик. Токо вот не знаю, как они разные размеры дробь делают.

– Не, это хлопотно – проще лить свинец в холодную воду. Ну, не вполне ровно выходит, капля такая получается, но нам тут не по тарелкам стрелять придется, а с малых дистанций, так что сгодится. Свинец у нас есть – папантий мне раньше из него солдатиков делал, так что есть запас.

– А пулелейки у вас нет?

– Зачем? Не на лося же ружье покупалось, для самообороны. А для самообороны хоть ты оловянный припой кусками наруби – еще и лучше будет. Жужжать, например, грозно. Да и порвет нехудо, если попадешь. Разумеется, все это профанация – тут любой охотник в лицо рассмеется, потому как неграмотно это, средневеково, ну да мы люди простые, нам сгодится.

Попросив Дарью Ивановну покинуть пока кухню, разворачиваем производство. Саша притаскивает старый фанер-

ный посылочный ящик – там свалено в кучу самое разнообразное добро: обожженная жестяная банка с прикипевшими кусочками серого шлака, куски свинцовой оплетки кабеля, прутья оловянного припоя для паяния, какие-то тускло-серые слитки, и в коробочке что-то странное. Приглядевшись, понимаю, что это бракованные солдатики – безголовые рыцари в латах, одноногие французские гренадеры и безрукие английские стрелки... Прямо Андерсен, только бумажной балерины не хватает.

Саша ставит банку на огонь, кидает туда по каким-то своим соображениям различные куски и кусищи. Открываю форточку – не стоит нам свинцом дышать. Жарища! В двух кастрюлях кипят яйца, в духовке сухари пекутся. А тут еще и Саша свинец варит. По его распоряжению наливаю в кастрюльку воду. Тонкой струйкой Саша начинает лить свинец – металл, попадая в воду, шипит, как-то странно курлюкает, а на дно оседает горка одинаковых серебристых веретенцев. Первый раз такое вижу. Саша примеряется, то поднимая банку выше, то опуская ниже – ага, вот вместо веретенцев пошли капельки – такие же блестящие, аккуратненькие. Вот еще бы чуть-чуть – и будут совершенно круглые, без хвостиков.

– А если встать на табуретку?

– Пробовали раньше – хвостики у капель все равно остаются. Ладно, проба получилась, не забыл еще. Теперь расплавим еще раз – и будет у нас эрзац-дробь. Или недокар-

течь.

Следующий сеанс дает пару пригоршней свинцовых блестящих капель. Сливаем воду, и литейщик ставит кастрюлю на плиту – тут такая жарница, что оставшаяся вода испарится быстро. Мы пока лезем в Инет – смотреть навески пороха и свинца для «магнума» 12 калибра и «стандарта» 20. Саша тут же распечатывает. Весов в доме нет, придется пользоваться хозяйственными, которыми раньше Дарья Ивановна взвешивала всякие ингредиенты для кулинарных изысков. Пока сохнет свинец, развешиваем 12 одинаковых кучек пороха побольше и одну – отдельно – поменьше.

Вставляем в гильзы капсюли. Приходится немного повозиться со стреляной гильзой – никакого специального инструмента для переснаряжения у Сан Санычей нету, но голь на выдумки хитра, и капсюль успешно выбиваем, используя молоток, плоскогубцы и обычный гвоздь. Дальше рассыпаем порох по гильзам. Встает вопрос – чем запыживать? Ну, тут классика – конечно, газетой. Саша притаскивает какую-то «из бесплатных» – с физиономией Шуфутинского на первой полосе. Подмигивает:

– Это подобрано для особо разрушительного воздействия! Сакральный смысл! Куски самой толстой звезды нашей эстрады рвут насмерть! Как тысячи астероидов!

Это да. Зверев, наверное, не так страшен в виде пыжей. Или там другие, менее весомые звезды... Считая в кило-

граммах если. Со свинцом приходится повозиться, капли не очень удобны для укладки. Потом корячимся с тем, чтоб из патрона все не высыпалось, запыживаем, заминаем края гильзы, но получается коряво. Некоторое время думаем, а не заклеить ли гильзы сверху, но обходимся воском. Попутно Саша просит маму сшить из чего-то попрочнее самопальный патронташ – чтоб повесить на «гаубицу». Еще достает из оружейного жестяного ящика «пиротехнический сигнал охотника» и коробку с мортирками – ракетами. В принципе, это государственно сделанная ручка-стрелялка. В 90-е годы это оружие британских шпиенов времен Второй мировой было популярно у наших бандюганов, токо делалось не под ракету, а под мелкашечный патрон. Зачем эта штука может пригодиться – неясно, но не бросать же.

Дарья Ивановна говорит, что постелила нам, и потому нам стоит баиньки. Звоню Валентине. У нее работа в полном разгаре. Считает, что забирать ее можно будет часов в 11. Ага, приехали – забрали, пустяк делов... Андрей получает эту информацию и вроде как радуется: раньше 11 они готовы не будут, а так – милое дело. Спрашивает, пригодилось ли купленное. Напоминаю про собаку. Судя по всему, он мрачнеет – я-то не собашник, забыл совсем, что утром питомцы своих хозяев вытащат на улицу. А там их уже будут поджидать... Ну, хорошо, если левретка-зомби. А дог? Мاستифф? Сейчас куча придурков напоянула самых страшных собакевичей – кто из соображений престижа, кто по скорбности главы. И

каковы будут эти зомбАки, если живые-то они страшны как смертный грех?

Утро второго дня Беды

Договариваемся с Сашей, что утречком он собаководов дополнительно предупредит. И валимся спать. Белье свежее, обалденно пахнет – чувствую, что я еще не раз вспомню, как спал в эту ночь по-царски. Ну, может и не по-царски, но по-человечески... И проваливаюсь. Снов нет, но будят словно тут же – а нет, уже светает. И хотя дрыхать охота – усталость как рукой сняло. Дарья Ивановна встревожена: под окнами зверски лупцуют нижнего соседа. Ну-ка. Что там? А там десяток черноголовых орлов лупят такого же черноголового. С толком, с расстановкой, не суетясь. Явно получая удовольствие.

– Это Поганов – снизу, – замечает Саша – Раньше с отцом приятельствовал. Потом смертельно обиделся – папантий его поддел изрядно. Оганов – Погановым его папантий стал позже звать, после ссоры – очень любил плакаться, как ему с семьей тут тяжело на чужбине и как он ностальгирует по своей родной деревне, которая в самом сердце гор, и как тут тяжело живется и какие тут холодные люди, и тыры, и пыры.

Вот, мол, денег накопит, тогда уж... Ну, папантий ему сочувствовал. Машины рядом стояли, присматривали вроде как вместе: мы его как-то предупредили, что к его «Фольксвагену» кто-то лезет – оказалось, действительно попытка

угона была. Ну, в общем – приятели, добрые соседи. А потом он возьми и ляпни (когда в очередной раз рассказывал про ностальгию по Родине и своей засунутой в самую жопу гор деревне, про то, какие тут холодные люди и как тут тяжело жить и про то, как мало у него денег), что вот хотел перебраться с бизнесом в Москву, ведь Питер – такая дыра, тут не развернешься, нечего тут делать нормальным людям. Да дорого четырехкомнатную покупать, а трехкомнатную – ему с женой тесно будет, они так жить не привыкли. Ну, тут папантий аж подпрыгнул и залепил: а почему в твоей деревне квартиры? А что? Да ничего, прете сюда, в тюрьму народов, словно вам тут медом намазано, и только все хаеете, как вам тут худо. Чего дома-то не сидится, если тут дыра не для нормальных людей? Ну, тот и обиделся смертельно, здороваться перестал.

– Ладно, с ним понятно. Нам-то что делать? У них вон и милиционер в толпе-то – как раз соседке вашему в физиономию с ноги пробил. Что они делят-то?

– Так это-то понятно: Оганов – армянин. А эти – азеры из общежития. У них тут настоящая махалля: и магазинчик свой, и кафе, и клиника по всем хворям частная.

Пока все было тихо – и они тихо сидели, а тут, видать, поняли, что могут развернуться.

– И все-таки – нам что делать? Кидаемся его выручать или как?»

– А мы своими стволами с парой сотен джигитов спра-

вимася?

– Сильно сомневаюсь. Тем более что у них и самих что-нибудь вполне огнестрельное найдется. Вон у мента какой-то автоматик болтается – «Кедр» что ли, или «Кипарис»?»

– Мальчики, там ведь человека убивают. Какой-никакой, а ведь человек. Семья у него.

– Боюсь, Дарья Ивановна, что мы тут ничего не сможем. Нам бы самим ноги унести. Мы, конечно, можем сейчас из двух стволов по ним вклепить, кого – то свалим. А дальше что? Это кавказцы, оружия у них у самих хватает. Запрут нас тут в подъезде – и будет веселье. А, кроме того, уж извините, напомним: сейчас уже погибли тысячи очень хороших людей, и еще больше погибнет. Потому я теперь спасаю токо тех, кто меня бы кинулся спасать. Как говорят на флоте: «Следую своим курсом». И, между прочим, это не единственная группа, вон подальше – такие же. С автоматом я бы, может, еще и рыпнулся, а с берданками – несерьезно.

– О, а вон и третья – тоже те же. Вон, в промежутке видны.

– К слову сказать, прохожих что-то мало для этого времени.

– По радио было объявление, рекомендовали оставаться дома. Причину не объясняли. Мол, кто слушает наше радио – побудьте дома, послушайте наше радио...

– Не все же слушают это радио, что-то еще, наверное...

Видим, что редкие прохожие активно избегают общения с

группками гостей города, обходя их стороной. Оганова оставили в покое, слабо шевелится. А нам надо отсюда выбирать-ся. Выходить втроем почему-то не хочется – мы с Сашей уже как-то сработались, а вот как его мама себя поведет – неясно. Опять же что-то подсказывает, что подобру-поздорову уже не выберемся – тут кавказеры уже кровь почувствовали, теперь их остановить трудно. Подумав и посоветовавшись, принимаем такой план: Дарья Ивановна с «Хаудой» остается на лоджии. Если я подниму обе руки – она стреляет в белый свет как в копейку, а через секунду – еще раз. Это на случай, если южане к нам прицепятся, и я им втолкую, что они на прицеле и по моему сигналу напарник бабахнет. Мол, в помпе еще шесть патронов, так что вам всем весело придется. Если южане не полезут – то подгоняем машину с улицы к подъезду, заходим, забираем вещи и Дарью Ивановну и едем к поликлинике. Вещей до смешного мало – чемодан и сумка на колесиках.

Звонит телефон – это та женщина с первого этажа. Она в ужасе от того, что под ее окнами стоит пришедший непонятно откуда человек. Он в крови, выглядит странно, и собака брешет как заведенная. Собаку никак не удастся уговорить, ей пора на прогулку, а там этот человек. Прикидываю, что это – не Оганов, окна выходят у женщины во двор, а Оганов сидит с другой стороны. Значит, кадавр.

Хозяйка пуделя волнуется. Просит помочь. Переигрывая план, спускаемся все на первый этаж.

Идем смотреть – да, под окном стоит мужик, совершенно обычный, сильно окровавленный. И ему здорово досталось. Новое дело. Мало нам десятка возбужденных азеров рядом с машиной, так еще и у дверей кадавр. Собашница просит забрать ее с сыном и собакой отсюда. Куда угодно, только бы отсюда. Сын, наоборот, явно дрейфит бежать из дому.

А, семь бед – один ответ. В засаду на лоджию сажаем Сашу и его маму – если азеры меня пропустят к машине без зацепок, вызываю по мобиле Сашу с ключами. Если вижу, что они меня собираются щупать за влажное вымя – бегом назад. Вот тут по ним семейство Сан Саныча и влупит с близкой дистанции сбоку. На лоджию горцы вспрыгнуть не сумеют, а я постараюсь добавить. И либо они приссут и побегут за подмогой, а мы успеем смотаться, либо... Даже думать об этом неохота. Собашница совершенно растерялась – до нее с трудом доходит, что хоть документы и ценности она должна забрать. Долговязый сын ее сгребает в какой-то чемодан диски, коробочки, вроде отсоединяет шнуры от своего компа – комп хороший, навороченный – самая ценная вещь в бедноватой, в общем-то, квартире...

Так. На всякий случай – время у нас еще есть. Минут двадцать. За это время Саша и его мама тренируются перезаряжать свое оружие, а я наостряюсь выхватывать свой обрез из-под полы. Через 20 минут, хоть и не научились, как следует, но все-таки куда лучше, чем было. На улице ничего не поменялось – кадавр в кустах стоит. Кавказцев не вид-

но, но оживленные переговоры слышны на лоджии. Вдох-выдох. Надо двигаться. Неохота. Но ничего хорошего не выждешь. Хероватый из меня герой – никакого восторга перед дракой. Ни малейшего азарта. Хоть бы жители гор повели себя спокойно – разошлись бы как в море корабли. Ну, никак не хочется устраивать выход бронепоезда с запасных путей – у нас, в конце концов, общая история, интернационалистами все были опять же... И музея оккупации в Баку вроде нет еще...

На лестнице никого. Выкатываюсь из подъезда, Саша, прикрывавший мой выход, возвращается в засаду. А я придвигаюсь помалу к зомби. Он будет торчать, как старичок в бахилах, на одном месте, или двинется? Двинулся. Но медленно, как заржавевший. Так, у него на дороге низенькая оградка. Запнулся, упал уже на мою сторону. Э, а ведь его можно взять в компаньоны! Точно можно! Ну-ка, вставай, дорогой. Я подожду. Если кавказцы не освинели – я тебя сам упокою. А если они край не чувят – ты им будешь подарком от черствых жителей холодного северного города. Ага, встал, идет быстрее, но все равно, голубчик, – по сравнению с тобой я просто Гермес с крылышками! Так, двигаем, хорошо.

Навстречу попадается деваха. Этакая вся из себя: «Я Мисс Совершенство! Слышите, тупые свиньи!»; как раз такие переходят дорогу в любом месте, не глядя вправо-влево, ибо мир крутится вокруг их персон. То, что она дура еловая,

подтверждает и голая поясница. Не, я не аскет, и летом мне такое даже нравится, но вот зимой – да и такой весной, когда холодрыга – щеголять голым пузом и задницей, открытой до копчика – признак ума невиданного. Потом ходят дуры тупые лечиться от бесплодия и цистита, сочувствия требуют. На нас с моим спутничком умершим деваха косится презрительно-брезгливо. Приходится притормозить, чтоб он не отвлекался. Но, видимо, от меня пахнет гуще или слаще, или просто я ближе, но на красотку мужичок не отвлекается, шкандыбает за мной следом.

Так, а вот сейчас я сверну направо за угол дома – и увижу кавказеров. А за ними – «Логанчик». Дистанция всего ничего – до кавказцев метров двадцать. Прохожу мимо нашей засадной лоджии. С виду все тихо, токо стекла чуток сдвинуты, давая две щели.

Оборачиваюсь – мертвяк тоже вышел и идет следом. До него метров восемь. Если жители гор будут спокойно трепаться друг с другом, то все в порядке... А они не треплются. Заметили и заинтересовались моей скромной персоной. И идут навстречу, расходясь грамотно в полукруг, охватывая и фланги. Ну да, сейчас возьмут в колечко, и «Оганов – дубль два». Разве что их теперь восемь – и мента с пукалкой нет. Это и хорошо, и плохо одновременно. У тех, кто сейчас идет ко мне – какие-то палки, вроде арматуры, у одного – бита. Улыбаются, уроды... Весело им... Все, пора бежать! Разворачиваюсь, дергаю хромым галопом обратно, обходя мертво-

го спутника вне зоны его досягаемости, и проскакиваю еще десяток метров. Кавказеры практически неровной шеренгой добегают до засады...

Я люблю 12 калибр! Ей-богу! Засада выдает неровный залп – но это в узком пространстве проулка меж домами звучит величественно! Это впечатляет! И очень радует то, что Саша не попал по первым, бежавшим за мной, потому его дадан достался серединке шеренги. Взял он низко, получилось по ногам скорее, но один повалился с разбегу, троим досталось слабее, но они тут же скисли – четверо из восьми! Да ему цены нет! Крайний к лоджии горец неожиданно швыряет в стекло свою дубинку и под звон сыплющихся в лоджию стекол пытается туда забраться. Опа, а жена у Сан Саныча – бой-баба! Храбрец отлетает от лоджии и шмякается об асфальт затылком так славно, что треск стоит – морда у него расквашена выстрелом из второго ствола «Хауды» в упор.

К моему удивлению, обрез выдергивается из-под куртки легко, я даже не зацепился мушкой и рукояткой. Целиться некогда, надо обращать противника в бегство – и я луплю по оппонентам тремя бабахами подряд. Эхо и от «Приблуды» неплохо звучит. Храбрецы, вереща что-то, несутся обратно – кто может. Я, похоже, промазал всеми тремя патронами, зато Саша успевает высунуться и еще раз бахнуть в спины улепетывающим, и одного задевает очень качественно. Тот, кому не повезло, шлепается как подкошенный. Раненые орут со

страшной силой – а, это мертвяк нашел себе забаву и сейчас насел на одного из уползающих от него подранков.

Итак, шли ребятки бить меня, а нашли себе полную приключений жизнь. Ну, как пожелали – так и получили. Один лежит почти не шевелясь. Другого дерет мертвяк, еще трое со всех сил култыхают к общаге, густо брызгая кровью. Тот, который получил в морду пластиковую пулю, вяло возит руками по земле... Поспешно заряжаю «Приблуду», отстегиваю приклад. Саша выпрыгивает из лоджии и поспешно идет к машине – ружье он, видно, матери оставил. Не бежим, но идем скорым шагом. Так, теперь он за руль, а я обратно – выходим из подъезда и двигаем ему навстречу – он объедет квартал и подберет нас в точке, удаленной от общаги. Это мы обговорили за те двадцать минут тренировки.

Машина трогается, дорога тут пустая, и Саша мигом скрывается из поля зрения. Мне – назад, к беженцам.

Чуть не спотыкаюсь об Оганова. Он, видно, пришел в себя и, как может, долбит по голове сбитого вторым Сашиным выстрелом парня куском асфальта. Руки слушаются плохо, удары получаются слабые. Тогда он бросает ком асфальта и, со стоном переместившись чуть дальше, подбирает брошенную полуметровую арматуру. Дальше мне становится тошно: он, наваливаясь всем весом, впихивает конец арматуры в глазницу недобитого азербайджанца. Получается не очень ловко – парень лежит ничком, а Оганов после из-

биения чуть жив.

– Брось его! Они сейчас вернутся, – пытаюсь схватить мстителя за шкуру и оттащить за собой – в конце концов, в «Логане» большой салон. Он неожиданно ловко отмахивается арматурой и тяпает мне по голени. Уй, больно-то как! Отскакиваю, а он опять начинает пихать в расковырянную уже глазницу железяку. Да ну тебя к черту, мстительный дурень! Он поднимает голову, и я удивляюсь яростной ненависти на окровавленной бледно-смуглой физиономии: «Нэ мэшай, ему мозыг надо праткнут! Анны тут своей кровью захлэбнутса!» Озираюсь – за многими окнами бледные человеческие лица. Все смотрят. Никто не вышел.

Ладно, тут не до твоих речей – сейчас общежитские перегруппируются, соберут толпень человек в 50, да оружных – и мне не уйти. И остальным тоже. А нам как раз надо уйти. Не корчили бы из себя горные орлы Властителей Вселенной – все были бы целы и живы. На хрена вот это было? На хрена? Гордость чесалась?

Две женщины, парень и почему-то куча багажа уже у подъезда. Не было же кучи, всего-то пара сумок...и еще пара сумок... и мой рюкзак! И вот она, куча. И коробка этого компьютерщика тут же! Ладно, отходим, отходим быстрее. Ружье – у Дарьи Ивановны. Обрез? Да, и обрез с собой. Насколько позволяет весь этот бродячий цирк, двигаемся к точке randevу. Медленно-то как! А что-то изменилось – не могу

понять, что... А! Пуделек не гавкает. Последнее время это было фоном для всей жизни – визгливый лай. Теперь эта мелочь семенит рядом, пытается что-то нюхать, но поводок тянет неотвратно. Черт, времени столько прошло, а мы еще и до половины дома не добрались. Быстрее! Быстрее!

Уже легче – помойка нас закрыла. Оборачиваюсь – проезд вдоль дома пустой. Там, где мы устроили засаду, сыплются стекла, орут и стреляют. Но орут как-то не воинственно, скорее испуганно. Вообще-то по тактике они бы должны группу с другой стороны дома отправить – в обход направить, нам в тыл... Тут радуюсь, что мы уже за помойкой – из-за угла дома выкатывается группа голов в пятнадцать сторонников лозунга «Кито нЭ с намы – тот пад намы!» и шустрым галопом несется туда, откуда мы явились только что.

Успеваю перехватить поднимаемое Дарьей Ивановной ружье: нас не видели – Бог в помочь! Бегите, ребята, вы еще успеете захватить Мир. Удачи, Брейны и Пинки, старайтесь! С такими боевыми навыками, гопота деревенская, вы тут много наворочаете.

Наша вторая спутница на грани обморока. Парень тоже чуть жив. Ну да – настоящий компьютерщик. В «Линейке», небось, паладин или героический эльф, рубит врагов в капусту направо-налево, а тут веселуха куда как веселее... Кровь-то, небось, живую впервые увидел. Но расслаживаться нам некогда – сейчас иерои возьмут штурмом пустую квартиру и рассыплются по окрестностям. Двигаем дальше, но пройти

далеко не успеваем – Саша, сверкая свежесобранной боковой, осаживает железного коня рядом. Погрузка и посадка носит такой же истерический характер, как и погрузка продуктов ночью, но только это уже крупногабаритно. В итоге багажник забит под завязку, а пассажиров на заднем сидении не видно под горой вещей. Трогаемся задом, потом Саша не без изящества разворачивается на пяточке и мы, пропрыгав по ямам внутриквартирных дорожек, выскакиваем на Дунайский. Почти выскакиваем, потому что тут нам на капот кидается та самая «Мисс Совершенство», но уже с квадратными от ужаса глазами. Машина суется носом – тормозит Саша от души. Деваха, видимо, утратила способность изъясняться членораздельно, от ее высокомерия и следа не осталось. Как и от курточки. Тычет пальцами в сторону ближайшего подъезда и дергает дверцу с моей стороны. А, вон в чем дело – зомбак. У, да не один, еще двое сзади. И шустрые, заразы. Ничего не остается, как открыть дверцу и получить на коленки эту дуреху. Саша неодобрительно смотрит на помятый капот. Птичка-невеличка толстожопая. Однако едем. В центр машин идет мало. А вот из центра прут потоком. Это особенно заметно на путепроводе. Но нам как раз практически в центр. Руки перестают трястись, но заряжать магазин, как собирался, невозможно. Девка вроде бы и не высокая, и не крупная, а придавила серьезно. И колотит ее...

Прошу Сашу ехать помедленнее – нам торопиться некуда,

а посмотреть, что творится, очень важно. Признаки все больше не то что плохие – омерзительные. Сразу видно не меньше десятка дымных столбов. В городе пожары, и их некому тушить. Милиция на улицах есть, но ведет она себя как-то странно. В двух местах попадаются патрули сопляков, на которых форма сидит как на корове седло – военнослужащие срочной службы из «Голубой дивизии». Никакого оружия не вижу, зато у них противогазные сумки и дубинки. И совершенно растерянный вид. Прэлэстно! На перекрестке с улицей Орджоникидзе, косо завалившись рылом с мостовой, стоит патрульная девятка с настежь распахнутыми дверцами – и никого рядом. Не помню, чтоб менты вот так бросали машины. Зато есть зомби. Не так чтоб много, но глаз их уже схватывает быстро – и количество их ужасает. Здесь, в Московском районе, новостройки – места много, и можно удрать. А вот если в старом городе та же частота, там совсем худо. Чем ближе к центру – тем больше зомбаков. И мне кажется, они двигаются вместе с нами – в центр города. Людей мало, куда меньше, чем мертвецов. Машины только напоминают мирное время, да и то – постоянно попадаются битые и брошенные тачки, которые грубо спихнуты с дороги. И на дороге то и дело – битое стекло, желтые и красные куски поворотников и стопов и очень характерные участки – с пластиковым крошевом и слоем грязи, который сыпается с брюха машины при ударе. Аварий было много, и дорогу никто не убирал.

– Куда вы меня везете? – вдруг оживает деваха. Ее еще слегка колотит, но вроде пришла в себя.

– В «Смольный». Мы обычно в это время обедаем с губернатором, но из-за тебя припозднились. Придется остаться без десерта.

Она все-таки дура. Минуты две переваривает сказанное, потом неуверенно спрашивает: «Прикол, да?»

Нет, не прикол. Нас только в «Смольном» и не хватало. А кстати, что с управлением городом? С одной стороны, вроде как в городе постреливают, но вот кто? Милиционеры, скорее, заняты охраной себя, чем наведением порядка. Порядка-то не видно. Светофоры частью уже не горят. Частью мигают желтым. Минимум пять магазинов, попавшихся по дороге, обнесены, причем грубо и нагло: разбиты витрины, у булочной в грязи раздавленные батоны, стеклянное крошево.

Кто может – улепетывает на машинах прочь из города. Но я вижу людей в окнах – многие смотрят на улицы, ждут чего-то, наверно – помощи. Но помощь оказывать некому. Полнокровных частей – с бронетехникой, строевыми солдатами – под Санкт-Петербургом нет. Есть куча кадрированных частей. Что они из себя представляют, говорит то, что на армейском жаргоне их величают кастрированными: горстка офицеров и прапорщиков и склады с имуществом советского производства. Да если б и были тут мальчишки срочной

службы – много б от них было б проку? Это трудно – стрелять по людям. А когда поймут, для чего стрелять необходимо – для большинства уже поздно будет.

– Так ты прикалываешься, верно?

– Ну, а сама-то думать умеешь? Едем по своим делам. А вот ты нам на капот свалилась – помяла, кстати. И что прикажешь с тобой делать?

– Домой меня отвезите!

– И где живешь?

– На Ивановской. Рядом с Ломоносовской.

– Ого! Это ж строго обратно, да еще и с походом. Ты чего раньше ждала?

– Ну, вы ж на тачке, это пятнадцать минут езды!

– Ты шашечки на машине видишь? Нет? Правильно. Потому что это не такси. И времени тебя катать нет.

– Жлобье! Высадите меня здесь!

– Да с удовольствием! Нам дурных не надо – мы и сами на загляденье дурные, токо вот на метро ехать не рекомендую – частника лови.

– А почему это на метро нельзя?

– Когда милые упыри гнались за тобой по двору, тебе было куда бежать. А в метро, как считаешь – подвернется дежурный «Логан»? Саша, притормози у ближайшего зомби, девушка хочет продолжить общение не со жлобами!

– Этот сгодится? – мрачно спрашивает водитель, действительно притормаживая напротив вяло плетущегося бомжа.

Сначала я не могу понять, это живой бомж или ужедохлый: грязен он сильно и морда синяковая. Но вот он поворачивает к нам харю, становятся видны его глазки, и сомнения исчезают. Саша оглядывается, но зомбак поблизости один; открыв дверцу, водитель окликает труп ходячий: «Эй, гражданин. Тут с вами девушка познакомиться желает!» И быстро юркает под защиту стекла и железа.

Бомжик живо реагирует на голос и направляется к машине.

– По-прежнему охота вылезать? Глянь, какой красавец!

– Не, не, не надо, пожалуйста, пожалуйста!

– Ну, так заткни свой рот и не хамай, – неожиданно жестко говорит сзади незаметная под моим рюкзаком Дарья Ивановна.

– Справедливо сказано, – подвякиваю и я. – И так от тебя ноги затекли. Одни убытки и никакой пользы.

Девка сидит как пришибленная. За окном еще веселее – тут и магазины разграблены чаще, и трупы валяются неубранные, и мертвяки около них кормятся. Все настолько нереально, как в голливудском кино – вроде как и не с нами это происходит, ну не может такое происходить с нами... Дурацкие мысли: отлично сделанный грим, прекрасная работа художника, очень правдоподобная бутафория, замечательная игра массовки... Здравый смысл тихонько толкует, что это все – не кино, а правда жизни. Это – не бутафория, и стоящая раком девчонка в драных черных чулках и короткой юбке,

жрущая вместе с зомбакой, бывшей раньше колли, дергающийся от рывков их челюстей труп толстой женщины – самая что ни на есть правда. Очень не хочется слушать шепот здравого смысла. Потому что становится до судорог страшно.

В нагрудном кармане начинает вибрировать телефон. Деваха подпрыгивает, втыкается башкой в потолок и грузно шмякается обратно на оттоптанные мои коленки.

– Что это? Что???

– Телефон, что еще! Подвинься, мне его так не достать!

Кончиками двух пальцев выцарапываю старенький «Сименс».

– Але?

– Привет! Как у вас дела? Все благополучно? – это Андрей, голос спокойный.

– Будем у вашего магазина минут через пять, если ничего не произойдет катастрофического. «Логан» синий. С нами, кроме ожидаемых спутников, еще трое беженцев.

– Вас понял. Магазин эвакуирован. Встречаемся у бутика, что рядом с вашей поликлиникой. Китайский автобус. Белый. Ждем вас. Если будет нужна помощь – звоните.

– Принято. Связь кончаю, – нет, положительно, в разговоре с Андреем начинаешь разводить цирлих-манирлих.

Проезжаем мимо магазина, в котором я вчера вербовал спасательную команду и разживался оружием и боеприпаса-

ми. Впечатление сильное: у витрины и входа валяется полтора десятка трупов, кровищи натекло лужами. Кроме трупов, не меньше десятка зомби, которые, не отвлекаясь на нас, жрут неудачников. За такой толпой все же видно, что и стекла тамбура, и витрина густо прострелены и частью осыпались, а частью – в пулевых дырах, окруженных сеткой стеклянных трещин. Продовольственный магазин наискосок тоже пострадал – и там пулевые дыры, но мало – с десятков. Машину встряхивает, и она начинает переваливать через какое-то препятствие поперек дороги. Кошусь на Сашу – он прикусил губу и старательно крутит рулем. Опять начинаем изображать утку. Таращась на магазин, я не обратил внимания из-за девахиной спины, что и прямо на дороге нелепыми плоскими кучами тряпья лежит несколько человек. Сейчас Саша напряженно старается их объехать, но раскинутые руки и ноги не оставляют места для маневра. Хорошенькая же тут была бойня. Андрей вроде жив-здоров. А остальные?

У бутика стоит грязный автобус-коротышка. Таких в городе полно – они маршрутки-«газели» вытесняют. Сквозь загаженные стекла видно плохо, но он практически пустой. «Логан» притирается рядышком. Из китайского агрегата без суеты выпрыгивают трое – двое берут под наблюдение окружающую местность, третий машет приглашающе рукой и встает так, чтоб прикрыть и нас.

– Всем сейчас быстро – в автобус. Вещи оставим тут. Саша – пока за рулем. Я беру «Гаубицу», тебе оставляю «При-

блуду». Посматривай!

Наше десантирование получается таким, что жаль – Бени Хилл помер. Отличное у него получилось бы шоу! Сначала долго выкарабкивалась деваха. И заковыляла раскорякой на своих каблучищах. Потом вылез я и обнаружил, что ноги у меня затекли страшно, и хожу я на них плохо. Ружье мне Саша выдал, чуть не побив прикладом лобовое стекло, а стволом – боковое. Далее трое пассажиров с заднего сидения медленно и мучительно выкапывались из-под багажа – точь в точь, как вылезают из могил ожившие киношные мертвецы: сначала высовываются руки, потом головы, и все медленно и печально.

Стоя на ватных ногах и ощущая в них дикую щекотку от мириадов мурашек, я сдвинулся так, чтобы в случае надобности прикрыть огнем сектор, перекрытый для Николаича машиной и пассажирами – и тут как будто кто толкнул меня в бок. Не пойму, почему решил глянуть в казенник «Гаубицы». В казеннике оказалась стреляная гильза. Все это время вместо ружья у нас была всего-навсего дубинка с прикладом. Замечательно! Ну, Саше было, предположим, некогда – ему надо было машину уводить из-под носа общежитских, но все равно – оружие сейчас должно быть заряженным постоянно! Как токо будет свободная минутка – устрою профилактическую головомойку и Саше, и Дарье Ивановне, и себе, разумеется. Поспешно зыркаю по сторонам, заряжая ружье. И остался в самоделковой патронташке на стволе последний

патрон... Тоже мудро. К слову, и у Саши тож пара выстрелов всего, если что. Не подумали оба. И при себе у меня – патроны как раз для «Приблуды», а у него наоборот. И ведь учили меня умные люди, что любое огнестрельное оружие без патронов становится вычурным куском железа...

К счастью, в отличие от находящегося в нескольких сотнях метров магазина для охотников и рыболовов, тут не видно пока ни одного зомби. Когда весь этот бродячий цирк забирается в автобус, охранение спинами вперед отходит к дверям. Всё – все на месте, кроме Саши. Знакомим людей друг с другом. Всего в пустом автобусе четверо – Николаич с Андреем и двое незнакомых мужиков. Один крепкий, но слегка располневший, представляется Ильясом, второй – мелкий, верткий – Владимир. Кратенько излагаю, что было, упоминаю про две стычки. Слушают внимательно, задают толковые вопросы.

Николаич, в свою очередь, сухо докладывает, что за это время они нашли место, где будет безопасно, продали двум особо настырным покупателям четыре пачки охотничьих патронов, а на ночь отрядили Серегу в засаду, которую он и устроил в продуктовом магазине. Так они на пару с Андреем и охраняли оба магазина. Николаич раздобыл ставший безхозным автобус и всю ночь мотался на нем, перевозя то людей, то грузы из оружейного и продовольственного. Большая часть сотрудников продовольственного, в том числе и симпатичная кассирша, подались в убежище.

Ближе к утру – в пёсий час – магазин попытались подломить пятеро каких-то сукиных сынов. Им дали взломать входную дверь и огнем с двух сторон очень быстро положили, как только убедились, что взломщики вооружены. Нападавшие пытались отстреливаться – собственно, все дыры в стеклах – их рук дело. Трофеи оказались убогими: два пистолета-пулемета с дурной репутацией, навороченный Смит-Вессон под неходовой у нас патрон и два ТТ – не то китайские подделки под тульскую продукцию, не то пакистанские подделки под китайские подделки. Говоря проще, «металл на пистолетах ногтем царапается». Те самые, у которых после тридцати – сорока выстрелов ствол раздувается напрочь. Ну, и патронов два десятка разношерстных под все это безобразие. Андрей еще не успел собрать оружие, а уже поперли мертвяки со всех сторон.

Этих настреляли 18 штук. Потом решили сматываться, когда точно убедились, что выстрелы как раз и приманивают зомби. К этому времени практически всё уже вывезли.

Успели аккуратно к нашему приезду. Теперь забираем Кабанову – и двигаем в убежище. Возникает некоторый спор на тему того, кто остается при машинах. Семья Сан Саныча настоятельно просит дать им возможность зайти и узнать, как у него дела. Отказать им трудно, да у меня и не находится убедительных доводов. У Николаича – тоже, хотя ему это не по душе, что заметно. Замечание Дарьи Ивановны о том, что при любом исходе событий из поликлиники есть что выне-

сти и использовать, и потому пара дополнительных человек лишними не будут, решают вопрос. Опять же, Саша показал себя в утренней стычке молодцом, попав обоими выстрелами, в отличие от моего тройного мазелина. Володя с Андреем выходят и вскоре возвращаются с Сашей.

– Получается так, – говорит Николаич. – Здесь остаются девушка, хозяйева собаки, сама собака и в прикрытии – Володя. Парень, стрелять доводилось? – это он соседа снизу вопрошает. Тот краснеет и отрицательно мотает головой. – Ясно. Получается так, что один стрелок на все про все.

– А мы можем проехать ближе ко входу в поликлинику. В случего – поддержите огнем сверху.

– Пожалуй!

– Теперь по оружию. Если придется стрелять в самой поликлинике – от гладкостволов оглохнуть можно будет. Потому Ильяс и Андрей берут мелкашки. У меня – СКС. На самый крайний случай. Доктор, оставьте свою машину – возьмите оба ТТ. Если один заклинит – второй используете. Там как раз по 6 патронов в каждом. Но лучше не стрелять – по одиночным целям мы и без вас отработаем. Саша... Что больше нравится – «Агран» или «Борз»?

– А это что такое?

– Пистолеты-пулеметы последнего времени. Откровенно – и то и другое дерьмо. Годится стрелять в спину, разве что. Один – хорватский, другой – чеченский. Ненадежные, прожорливые, сделанные плохо. Ну, что берем?

– Тогда револьвер.

– Выбор хороший, только учти – четыре патрона всего в барабане.

– Учту.

– Получается так – мы с Андреем и Ильясом идем тройкой. У дверей берем территорию под контроль, доктор открывает. Заходим тройкой, проверяем вестибюль.

Если пальбы не будет – заходят мама с сыном, доктор дверь запирает. Потом по указаниям доктора двигаем в том же составе: мы тройкой впереди, вы парой прикрываете тыл, женщина в середине. Какие у нас задачи?

– Первое – забрать докторшу из лаборатории с результатами. Там же буфет – взять продукты.

Второе – сумки, которые Сан Саныч набрал.

Третье – из прививочного кабинета и процедурной забрать инструментарий и все, что можно будет утащить. Возможно, появится еще что-нито, ну – по месту решим.

Четвертое – навестить Сан Саныча – это можно в начале сделать.»

– Получается так. Теперь давайте с оружием разберемся.

Выданные мне ТТ, похоже, выпиливались напильником из цельного куска железа. В них только отдаленно чувствуется элегантность и надежность прототипа – советского ТТ.

Есть в них какая-то лажа. Но, как все советское оружие, просты, и потому освоить нетрудно. Револьвер Саша тоже быстро принимает на вооружение. Андрей отдельно отмеча-

ет, что осечных патронов в револьвере не было – так что можно надеяться, что и эти четыре сработают как надо. Дополнительно берем пару рюкзаков – явно из магазина, мой такой же – и выдвигаемся. Некоторое сомнение вызывает то, как лучше поставить машины у входа. В итоге получается не так, чтоб великолепно, но автобус тушей перекрывает вход, и забраться в него можно моментально, что плюс. Добираться до легковушки не так хорошо, но в целом – терпимо. Зато она преграждает путь тем, кто полез бы из-за угла – от детского сада.

Удивительно, но вокруг входа в поликлинику никого нет. Ни живых, ни мертвых.

Открываю дверь, трое проскальзывают вовнутрь. Ждем – все тихо, и заходим сами. За сутки ничего не поменялось. Двигаем налево, в сторону кабинета начмеда. Николаич все время одергивает Дарью, но она, видно, не очень его понимает. Надеюсь, что произошло чудо. Ведь не бывает стопроцентно смертельных заболеваний... Нет, бывают – то же бешенство. Без вакцинации – 100 % летально. И еще есть... Но очень хочется ошибиться.

К сожалению, чуда не произошло. Троица стрелков охраняла нас, пока мы стучали в дверь и звонили по телефону. В кабинете трещал звонок, и мы слышали, что Сан Саныч ходил. То есть ходило то, что было вчера Сан Санычем – хорошим порядочным человеком.

Николаич деликатно покашлял и сказал вдове:

– Получается так, что нам надо идти. Тут еще живой человек, да не один. Беременная она. Пойдемте. Сочувствую вам, но нельзя нам тут задерживаться. Никак нельзя.

Опа! А откуда он знает, что Валентина беременна? Я ж ему этого не говорил. Интересно. Очень интересно. И так видел, что Николаич не прост, но он еще больше не прост.

Дарья Ивановна – сильный человек. Переводит дух и идет за ними. Саша плетется понуро. Видимо, он до конца не верил в то, что произойдет именно так.

– Саша! Не отвлекайся – на нас тыл. Держим тыл!

Он с усилием встряхивается. Глаза красные, на мокром месте. Ну, да оно бы и хорошо сейчас им обоим поплакать с мамой-то. Но вот никак нельзя тут раскисать.

Посматриваем по сторонам. Вспоминаю, как чуть не шмякнулся на лестнице. Убираю палец со спуска теплого ТТ. Показываю Саше. Ответно он показывает, что его палец на спуске и не был.

Резкий окрик Николаича: «Стой, стрелять буду!» И через несколько секунд: «Ильяс, огонь!» Щелкает мелкашка. Мельком глянув туда, вижу, как заваливается в конце коридора у лестницы худой, невысокий зомби. Подходим к лестнице. Смотрю на упокоенного – испитого вида беспризорник-подросток. У нас не было таких пациентов.

Точно не было.

Непонятно, откуда этот засранец взялся. Но нам в лабо-

раторию. Двигаемся тем же порядком. На лестнице – никого. На этаже – сюрприз: сразу двое зомби. Тетка из недавно взятых санитарок, фамилия у нее была смешная – Кишко и мужичок пухлый. Вроде, я его у ревматолога видел.

– Внимание, граждане! Если вы не зомби – поднимите руки или отзовитесь. Если не сделаете этого – открываем огонь на поражение! Повторяю! Внимание, граждане! Если вы не зомби – поднимите руки или отзовитесь. Если не сделаете этого – открываем огонь на поражение! – Андрей точно раньше политработником был. Ну, прямо лектор. Но вот стреляет он не хуже Ильяса – оба беспокойника валяются на пол.

– Выдвигаемся! – это Николаич.

Проходим полкоридора – Николаич поднимает руку и показывает вперед: там тихонько открывается дверь кабинета – видно по лучику света, который начал расширяться.

– Эй, в кабинете! Если живой – отзывайся! Если зомби – лучше закрой дверь от греха подальше! – это уже Ильяс. Тут я ловлю себя на том, что и я, и Саша, и Дарья смотрим не назад, а вперед. А нам-то с Сашей надо смотреть назад. Цыкаю тихонько, корчу недовольную рожу – спохватывается, теперь оба старательно разглядываем пустой коридор.

– Не стреляйте, не стреляйте, я живой, меня не кусали! – голос пацаний, тонкий.

– Ну, так вылезай, руки чтоб мы видели, и потихоньку иди к нам.

– Стрелять не будете?

– Не будем, сказано же!

– Точно не будете?

– Слушай, поганец – нам что, землю есть? Или вылезай, или закрой дверь и сиди дальше.

Из кабинета вылезает подросток – такой же беспризорный клеенюхатель, как тот, упокоенный на первом этаже, только мельче и младше.

– А где менты?

– Не завезли еще. А вот что ты тут делаешь, балбес? Кстати, доктор, гляньте – на нем покусов нет?

Осматриваю задохлика. Попутно он рассказывает, что они с Микой – такая кликуха была у того, упокоенного, забрались вчера вечером в поликлинику, так как поняли, что в поликлинике людей нет. Мика обещал, что они тут наберут всего полны руки. Внизу и впрямь были две сумки с лекарствами, но нужных Мика там не нашел, и потому они пошли на второй этаж – шмонать по кабинетам. В одном нашли женскую сумочку с кошельком, мобилу, еще разные вещи. А во втором, как только они зажгли свет, Мику сцапала страшная тетка. Тут еще и мужичок появился – вот Сыкатый (это погоняло нашего найденьша) и кинулся бежать, потому как и тетка, и мужик были очень жуткие и Мику стали грызть зубами, а Мика вырывался и орал. Сыкатый спрятался в кабинете, а Мика потом перестал орать, а Сыкатый высунулся, увидел дядьку и тетку в коридоре и сидел – боялся. Утром

решил вылезти в окно, но там внизу тоже такие же страшные стоят и ходят. Услышал нас и стрельбу – решил, что менты пришли из-за выбитого окна, решил сдать. Дело знакомое: заберут в детдом, накормят-напоят, помогут, отоспится – и опять даст тягу. Такая вот свободная личность.

Покусы на пацане я нашел. Не те, правда. Вшивый он. И гниды в волосах. Подарок судьбы, одним словом. А так, в целом – токсикоман, судя по серой коже, курит, конечно, определенно социально запущен. В общем – фрукт еще тот. По виду ему лет 12, но такие растут плохо, так что может быть и 14 – 15 лет. Спрашиваю. Оказывается, 14.

Саша самоотверженно наблюдает за тылом. Ильяс держит под прицелом все впереди. Николаич, Дарья и Андрей смотрят на меня. Излагаю ситуацию. От себя добавляю, что у Макаренко беспризорники при нормальном воспитании становились дельными людьми. Сейчас прогноз куда хуже – те беспризорники не нюхали клей, происходили от нормальных родителей, пропавших в Гражданскую войну, а не от пьяной хрени.

– А вшивость его сложно лечить?

– Это-то как раз просто. Полчаса в кабинете у дерматолога – и чистый.

– Значит, проблема вся в том, чего он сам хочет?

– Точно. Токсикоман безголовый нам не нужен. У них, если печень раньше не накроется, дорога одна: либо спивают-

ся, либо наркоманят, но это самые долгоживущие и удачливые.

Николаич задумывается.

– Слушай. Как там тебя, по человечески-то звать?

– Сыкатый!

– Я не про погоняло твое. Имя – как тебя звали по-людски?

– Ээээ... Демидов Сергей.

– Ну так вот, Демидов Сергей, ситуация простая. У нас в команде – люди. Я каждому доверяю. А ты пока – уж извини – крыса подвальная. Я тебя не виню. Каждый живет, как умеет. Но мне крыса в отряде не нужна. Совсем. Если ты будешь стараться стать человеком – мы тебя возьмем с собой. Но тебе придется много что делать, чего ты раньше не делал, и наоборот – прекратить полностью многие свои привычки. Если тебе это влом – без вопросов. Мы – туда, а ты отсюда. Дорога нами расчищена. И лучше не обманывай ни себя, ни нас. Сейчас время такое, что если ты скрысишь и из-за этого погибнут хорошие люди – извини, я тебя пристрелю. Или он пристрелит. Или – он. Вот такие дела. У нас в команде ни хрена свободы нет. Кайфа нет и скучно, хотя до черта всякой работы. Потому прикинь – тут неподалеку канцтовары. «Момент» – хоть залейся. Так что думай. Захочешь остаться – мы скоро обратно пойдем. Подберем на обратном пути, посиди в кабинете. Захочешь слинять – путь свободен. «Момент» – рядом. В кабинеты токо не суйся –

тут таких дядек-теток много сидит.

Оставив пацана думать, продвигаемся до двери в лабораторию – благо, тут она, в торце коридора. Ключ, который дал Сан Саныч, мягко щелкает в скважине. Но когда мы закрываем дверь и нам навстречу выходит Валентина Ивановна, Николаич просит Андрея присмотреть за беспризорником. В общем-то я с ним согласен: беспризорщина тупа и жестока в основной своей массе, и этот пацан может легко наделать пакостей – от просто насрать в коридоре в пику нам – скучным мудакам, до более серьезных пакостей – например, убегая из поликлиники, пооткрывать двери тех кабинетов, где сейчас тупо стоят зомбаки. С тем же успехом может и остаться и потом оказаться нормальным... Ну, почти нормальным: печенка-то у него посажена все равно, да и по мозгам «Момент» и прочие растворители как кувалдой бьют.

Валентина явно очень рада. Наверно, все-таки побаивалась, что может остаться тут, как Сан Саныч. Приглашает отобедать – она еще и еды наготовила. Оказывается, хитрый Николаич проверил мои слова – тем более, что сделать это было просто: номер телефона лаборатории имелся в «желтых страницах». За ночь они несколько раз переговаривались.

Правда, он не спрашивал ее, каковы результаты экспериментов, а она говорила о чем угодно, но не о том, что получается. Ну, разумно.

Буфет через дверь от лаборатории. Четыре столика и стойка с салатами. Отмечаю, что практически все продукты уже упакованы. Нам подаются как раз салаты, разогретая пицца и тушенная говядина. Очень к месту. Чай, кофе, соки в пакетах. Пирожки с грибами и лимоном.

– Доктор, сходите к Андрею – что там с этим шакаленком? Либо лечим-кормим, либо вон его отсюда.

Цепляю со стойки открытый пакет яблочного сока, пару пластиковых стаканчиков и двигаю к Андрею. Тот, как заядлая сплетница, внимательно смотрит в замочную скважину.

– Ну, что нового? Соку хочешь?

– Пацан обшмонал трупы и ушел в кабинет. Давай сок!

Андрей оборачивается, и его натурально перекашивает от отвращения. Нюхаю сок – нормальный яблочный, пахнет вкусно, да и марка не из дешевых. Но Андрей смотрит на меня с таким омерзением, словно я ему поднес к лицу полуразложившуюся крысу в опарышах.

– Да сколько же можно! Это кто, Ильяс или Николаич никак не уgomонится?

– Андрей, ни сном, ни духом! Ей богу! Честно! Что случилось-то? Нормальный сок, мне нравится больше, чем апельсиновый.

Подозрительно смотрит, вздыхает.

– Ладно, убери это к черту. Что Николаич?

– Спрашиваем найденыша, что решил. Поступаем соответственно.

– Ясно. Ну, пошли.

Торопливо выхлебываю оба стаканчика, ставлю пакет в сторонку и, как провинившийся школьник, догоняю Андрея.

Заходим в кабинет. Демидов Сергей, крыса подвальная, разлегся на груде бумажек, вывернутых из шкафа. Грамотно – не на холодном же полу лежать, а бумага – отличный теплоизолятор.

– Ну, осквернитель гробниц, чего решил?

– Тык чо, с вами иду. Тут делать нефиг.

– Условия понятны? Делаешь, что велят, взамен учим уму-разуму, кормим, поим. Начнешь хамить, крысятничать, пакостить или опять нюхать – скатертью по жопе. Если по твоей глупости кто из команды погибнет – станешь тоже страшным дядькой. Понятно?

– Понятно. А как же права ребенка?

– У ребенка права: есть, пить, спать, выполнять поставленные старшими товарищами задачи и быть полезным и послушным. Курить, нюхать, воровать, бездельничать – таких прав у ребенка нет.

– Чо, и курнуть уже нельзя?

– Ты, задохлик, по твоему возрасту должен быть на десять сантиметров выше. На пяток кило мяса больше. На четыре класса умнее. Детдома и всякие там заботы о бедных пьющих и гулящих сиротах – считай, в прошлом. Это уже кончилось, если ты не заметил, – встречаю я.

– Мы тебя упрашивать не будем – некогда. И так – подпи-

сываешься?

– Где?

– Везде. Условия наши приняты?

– Ну, приняты...

– Тогда двинули приводить тебя в порядок.

– Это еще как?

– Вшивая гопота нам даром ни к чему.

Через кабинет – у дерматолога – как раз был шкафчик с образцами препаратов от педикулеза. Делали его меньше года назад, так что все свежее еще. Малатион во флаконе. Самое то. А потом я найденыша еще шампунем с педилином обработаю. (Гм, а вроде ж это одно и то же, токо названия разные?) Надо еще потом вычесывать дохлых насекомых и гнид – ну, это сам, не маленький.

Смоченным тампоном протираю грязную волосню. Похоже, что он недавно был в детдоме – волосы короткие достаточно. Уже легче. Так, намазали, теперь подождать чуток. Да, а вот его шмотки надо бы выкинуть. А во что его одеть? В шкафу висят халаты, сменная обувь. Ладно, пока обойдется халатом. А там одеть найдется во что.

– Шмотки свои вшивые кидай в угол.

– Это еще зачем?

– Затем – делай, что говорят.

– Э, я вам Машкой быть не подписывался!

– Ты что, нахал, считаешь, что твои тощие грязные мощи зажгут в нас похоть? Не надейся, поросенок. Не на тех на-

пал. Кидай свои шмотки в угол. Вот на тебе полотенце – я его смесью спирта и фурацилина намочил – оботрись, сними верхний слой грязи. Чучкан!

– Я ж замерзну. На улице-то не май месяц!

– Знаешь, ты за свои тряпки как баба цепляешься. Кончай дурковать!

В бровях и ресницах вшей у него нет. Под мышками – тоже. На всякий случай даю ему тампон, чтоб обтер свою жидкую волосню, где она есть. Потом обтираем тощее и грязное тело свертком из мокрого полотенца. Ну, моем это не назовешь. Но хоть почище на килограмм стал. Теперь выдаю ему халат, зеленые операционные портки, которые носил дерматолог, и лапти его же – великоваты, но годятся.

– Куда я таким чучелом пойду, – бунчит пацан, пока я наматываю ему на голову косынку – малатион должен поконтактировать с вошками подольше.

– Я так полагаю, что жрать. Наверху уже накрыто, и стоит поторопиться.

Упоминание о жратве окрыляет беспризорника. Уже не споря, бодро двигает с нами в буфет. Конечно – ел-то он, самое позднее, вчера вечером.

– Садись, питайся, – встречает его Дарья Ивановна. Похоже, она решила взять над беспризорником шефство. Остальные довольно оживленно разговаривают с Валентиной, которая рассказывает о том, что получилось в ходе экспериментов. При этом она перелистывает две толстые общие тетра-

ди – довольно густо исчерканные и исписанные.

Лихо же она поработала. По ее словам, получается следующее, если изложить человеческим языком, а не научным, результаты суточной работы с полусотней крыс, хомяков и мышей:

1. Любой укус – смертелен для млекопитающих.

2. Кровь зомби перестает быть заразной через час – полтора.

3. Смерть наступает в зависимости от тяжести ранения: тяжелая рана – быстрая смерть, легкая рана – жертва еще поживет. Около суток.

4. Обернувшиеся животные едят только мясо. Остальная ранее привычная пища – игнорируется.

5. Самое предпочитаемое для обращенных – мясо животных своего же вида, которые не обратились еще. При этом крыса-зомби и хомяк-зомби, нажравшись соответственного мяса, увеличились в размерах – причем заметно, и стали активнее. Валентине показалось, что они и поумнели, в то время как у остальных зомби интеллект резко снизился.

6. Друг друга зомби не едят. Но в случае, если кого-то из них упокоят, через 15 – 20 минут начинают лопать с аппетитом.

7. На третьем месте по предпочтительности стоит любое другое мясо. При предложении животным-зомби мяса необращенных особей, упокоенных обращенных и говядины все вначале кидались на свежее и «свое». Потом на обращен-

ное-упокоенное, и только в случае отсутствия первых двух сортов начинали жрать говядину.

8. Зомби, не получившие никакой еды, очевидно ощущали ее близость и проявляли активность в течение 12 – 18 часов, после чего «устали» и впали в спячку, оставшись в тех же позах, что и были.

9. При создании шума рядом ожили снова. Причем переход к активности у разных особей был разным – от 1 до 26 секунд. Наибольшую задержку показали те, которые находились в более холодном месте – у раскрытого окна.

10. Отсюда следует очевидный вывод: чем теплее, тем зомби активнее. Поэтому, вероятно, их поведение соответствует поведению холонокровных.

11. Еще очевидный вывод: чем сытее зомби, тем они активнее. Чем лучше подходит им потребляемое ими мясо, чем оно более «свойское» – тем зомби умнее и активнее. Вероятно, и опаснее.

12. Помещенные в морозилку холодильника зомби замерзли без проявления антифризности, причем быстро. Оттаяв, показали, что замерзание ни в чем им не повредило. Значит, какая-то антифризность в их биохимии присутствует, и биохимия их организма резко отличается от человеческой.

13. Помещенные в воду зомби проявили практически панические реакции и всячески старались удрать подальше от воды. Чем вызвано – неясно. В клетке старались держаться

подальше от емкости с водой. Зомби, сутки насильно удерживаемый в воде, внешне никаких изменений не имел, но передвигался странно и при первой же возможности покинул воду.

14. Помещенные под обогреватель зомби вначале активно старались попасть в самое теплое место, а после того, как нагревались до определенной температуры, наоборот – покидали зону обогрева. Удерживаемый насильно под обогревателем экземпляр также не имел видимых повреждений по освобождению, но еле полз.

15. Вскрытие показало... Оно показало, что совершенно непонятно, как функционируют организмы зомби. Этого просто не может быть – но оно есть.

16. Зомби определенно видят, слышат, могут обонять. Болевые ощущения, очевидно, у них отсутствуют – на механические повреждения реакции не дают.

17. Основной вывод: пока можно уверенно говорить, что ликвидировать зомби можно только путем разрушения головного мозга.

Валентина Ивановна посмотрела на Николаича и чуток напряженно сказала:

– Теперь вы знаете результаты эксперимента, так что вроде бы я вам и не нужна...

– Не говорите глупостей, Валентина Ивановна! – отозвался Николаич. – Вы ведь боитесь, что мы вас бросим теперь?

Валентина бледно и вымученно улыбнулась.

– Так зря боитесь. Куда ж нам без врачей. Да и без детей.

Не говоря уж о женщинах!

Андрей изобразил на губах пошловатый мотивчик из оперетты – тот, где «без женщин жить нельзя на свете, нет!»

Все облегченно посмеялись. Отметил, что и Дарья явно облегченно вздохнула.

– Ну, раз вам без детей никак, – стала серьезной Валентина, – то у меня есть информация. Тут рядом мертвый детский сад...

– Да, доктор нам рассказывал, да и наш товарищ там был...

– Так вот, он не весь мертвый. Там на втором этаже повариха заперлась с четырьмя детишками. Я ночью во время очередного перерыва на гимнастику заметила, что там одно окно загорается и гаснет, как в кино: три длинных, три коротких, три длинных, три коротких... Это вроде бы сигнал «СОС»?

– Да, в сухопутном и женском исполнении.

– Я тоже поморгала. А потом мы поперекрикивались. Я обещала, что мы постараемся помочь. Я не слишком много на себя взяла?

– После окончания операции отвечу. Там много зомби?

– Садик был частный, небольшой – на тридцать пять детей.

– Ну, пойдете, посмотрим. Андрей – остаешься тут,

Ильяс и доктор – пошли. Показывайте, Валентина Ивановна, откуда видно лучше.

– Я бы хотел доесть то, что у меня перед глазами. Сытый – я как зомби! Быстрый и умный. А голодный – наоборот. Мы ж не завтракали еще.

– А, ну да, вы с пополнением занимались, – но я вижу, что Николаич недоволен. Неисполнение приказа с отговорками из-за еды... Кондратий для любого командира. Помнится, такое себе позволил личный водитель командира дивизии Сеппаго... И тут же попал в пехоту... Но я-то не водитель. А вот Николаич вполне мог быть раньше и комдивом – чем перестроечные черти не шутили.

Жрем мы втроем с Андреем и Демидовым. Остальные, видно, наелись и сидят, смотрят. Смотрите, смотрите – мне это по барабану, как говорил мой друг: «Когда я ем – я глух и нем, хитер и быстр и дьявольски умен!»

Впрочем, надо и честь знать, хотя тушенная говядина Валентине удалась прекрасно. Тем более – когда еще так получится: за столиком со скатертью, в безопасном месте... Пирожки... Пицца... Кофе, правда, дерьмовый, это не заметить трудно.

С грустью покидаю еще недоеденные яства, понимая, что парочка неминуемо бергинизирует оставшееся – был у нас студент по фамилии Берг. Если он попадал за стол, то не вставал, пока на столе еще оставалось хоть что-то съедобное. Методическое и полное истребление провизии у нас на кур-

се так и называли – бергинизация...

Из окна хорошо виден двор детсадика. К моему удивлению, детишек в поле зрения всего трое. Нет, еще двое в дальнем от нас углу – просто они перемазались в грязи, за кустами видно плохо. Рядом с детсадиком полно сирени – когда цветет, вид совершенно фантастический и запах тоже – мы все сидели с открытыми окнами и наслаждались. Сейчас кусты голые, но сквозь них видно не очень хорошо.

Вот взрослых куда больше: и дедок чертов стоит, синее бахилами, и добрый десяток таких же, как он – правда, измазанных в грязи и крови – пасется у забора и под нашим окном поликлиники. Видно, когда дамы ночью перекликались – на шум пришли. И машин добавилось: три «дамские» и явный джип – как положено, черного цвета. Не разбираюсь я в этих марках, но вроде бы «Ровер».

Окно напротив, на втором этаже, привлекает внимание – с него свисает болтающаяся на ветру яркая тряпка, а на стекле лист белой бумаги с надписями, но мелко написано. Словно в ответ на открывание нашего окна, то окно тоже открывается, и толстая тетка начинает отчаянно махать этой тряпкой. Хорошо еще, не орет. В ответ машем руками.

– Давай, Ильяс, зачищай.

Ильяс пристраивается поудобнее на подоконнике и начинает отщелкивать – буквально отщелкивать, потому как выстрелы негромкие – стоящих внизу зомби.

По сравнению с ним винтовка выглядит игрушечной, но я четко вижу, что мягкой пульки 5,6 мм вполне достаточно. Бывшие люди внизу один за другим валятся как тряпишные – словно кто-то вмиг выдернул из них стержень. Отрабатывает Ильяс быстро и аккуратно. Ну, да это было как в тире – и мишени практически неподвижны.

– Извини, Николаич, по детям не могу.

– Передай винт Доктору. Доктор, придется вам зачистку закончить.

Кровью, что ли вяжут? Или и впрямь не могут? А я такой весь из себя гнусный палач, детоубийца и пр. и тр.?

– А вам самим вроде неуместно? Все равно, если уж вдруг все образуется, то Ильяс за сегодня на пожизненное намолотил.

– Нет, просто у вас подготовка соответственная. Если бы мне понадобилось ампутацию ноги делать – я бы вас так же попросил, а не сам взялся.

В этом есть некоторый смысл, вообще-то. Принимаю винтовку. Не упокоим этих троих – не спасем тех пятерых. Не спасем – будем себя чувствовать херово. А нам и так не весело, если честно.

– К слову, что это Андрей так от яблочного сока подпрыгнул?

Николаич хмыкает:

– В первую чеченскую их команда базировалась на побитом консервном заводе. Снабжение было такое – ну, практи-

чески и не было снабжения. Особенно воды не хватало. А в подвале завода бойцы нашли складированный яблочный сок. Вот они его и пили, и умывались, и кашу варили, и чуть ли не стирали одежду. После этого если встретишь человека, который яблоки на дух не переносит – скорее всего, сможешь точно сказать, где он был в первую чеченскую.

Осматриваю винтовку. Старенькая уже, но многозарядная мелкашка. Прицел простой, освоиться – не сложно.

– Значится, так: если вы потом будете меня этим попрекать – обижусь всерьез. Я уже один раз был гнусным палачом, сильно поумнел потом и в женском поле сильно разочаровался. Не хотелось бы это второй раз проходить и разочаровываться в вас...

– Не беспокойтесь – этого точно не будет!

Ну, коли так, поехали... Главное, как учили: не воспринимать объект как человека, не то чтобы не думать, что вот это – человек с именем, и фамилией, и родственниками, а даже как фанерный силуэт не воспринимать. Прицеливаться в деталь одежды. Безотносительно.

Голубой кулек капюшона. Перезарядка. Значок с уточкой. Перезарядка. Розовая полоска шапочки. Перезарядка. Хороший бой у винтовки, точный. Да и дистанция тут – доплюнуть можно.

Только собираюсь отдавать винтовку, как из хорошо видной отсюда двери детсада вылезает еще один кадавр. Пузатый, крепко сбитый, лысый, в майке на волосатом торсе. Ру-

ки замотаны, видно, его же рваной рубашкой, кровищи много. Умер еще вчера – по лицу видно. И уж так мне везет сегодня – снова кавказец. Ну, это уже ни в какие ворота не лезет... Ну, и получи в лоб. Потому как, кроме лба, никаких отвлеченных деталей одежды на нем нет. И мимо он пройти не даст. И детенышей вывести не получится, пока он нелепой куклой торчит посередке дверного прохода.

Потому плевать мне, что он был человеком, после трех упокоенных детенышей я и так остервенел – хоть в штыковую атаку кидайся. Но Николаич тянет от меня винтовку и говорит спокойно:

– А как вы думаете – может, нам и не нужно, чтобы люди в автобусе сидели? Если кто и подойдет – со второго этажа их перестрелять будет тоже несложно. Да и покормить их стоит, в туалет сходят.

Это как ушат холодной воды.

Хитрый, черт!

Конечно, я соглашаюсь. Ильяс с Сашей садятся в кабинет на втором этаже – вчера именно отсюда мне махнул рукой Сан Саныч. Компашка из автобуса – включая пуделишку – благополучно добирается до буфета и начинает приходить в себя. Застряли мы тут надолго, со всеми этими делами. Я думал, быстрее разберемся. А теперь еще надо ломиться в детсад. Потом, опять же, еще и их приводить в порядок. Николаич, тем не менее, спокоен. Единственное, что им с Андреем не понравилось сегодня – это то, чем они гордились

вчера: те пятеро грабителей у магазина получили по пуле в голову. Красиво, конечно, элегантно. Но это почти полтонны ценного мяса для зомби. Получается, как с теми – в Петергофе.

А это нехорошо по-любому. Получается, что тактические и стрелковые аксиомы надо пересматривать.

Пора, однако, выдвигаться в детсад. Еще раз осматриваем зачищенную местность, пришедшего откуда-то из-за машин одинокого зомбака кладем к упокоенным. Все, пора идти.

Ударная тройка – Володя, Николаич, Андрей. Я опять в обозах. Ну, да это меня и не огорчает. Стрелковая подготовка у них лучше, видно, что и в тактике они куда лучше разбираются. Бдительно и внимательно озирая окрестности, доходим до самых дверей. Никого. Перешагиваем через мужика в майке, троица включает «налобковые» фонари, хотя вообще-то достаточно светло. В коридоре набрызгано и налито кровищи, но никого. Все двери закрыты. Лестница. Тоже пусто. Три двери. Андрей стучит костяшками пальцев в среднюю. По ней, похоже, колотили окровавленными руками, кровь уже обсохла. Но аккуратный Андрей старательно выбирает чистый кусочек и перчаток не снимает.

– Это вы? – женский встревоженно-радостный голос.

– Да, это мы! – ну, а как еще ответишь?

– Вы все проверили?

– Двор, коридор, лестница чистые. В комнаты не заходили и не собираемся.

Щелкает щеколда и какой-то замочек. Дверь потихоньку открывается, виден глаз. Удовлетворившись осмотром, хозяйка глаза открывает дверь как следует, и мы видим второй глаз, ее лицо, фигуру и четырех детенышей в маленькой каморке. Здесь, видно, хранилось белье. Кастелянская, что ли?

– Краса Эрастовна Безсчастлива, повариха. А это Сеня, Лика, Аллочка и Аревик.»

То, что повариха, это видно. Настоящий кинематографический штамп: полная, добрая, уютная и бойкая. Дети, как это ни странно, достаточно спокойно на нас смотрят; если и плакали, то уже утомонились, и сопли им вытереть было кому.

– Там, внизу папа Аревик должен быть. Он сначала ломился сюда, хотел вынести дверь, чтоб забрать дочку, но мне удалось его убедить не делать этого. Попросила его лучше расчистить дорогу на выход и... и полечиться, чтобы дочка не заразилась.

– Мы ходим. Посмотрим. Вы пока запритесь.

Спускаемся вниз. Андрей с Николаичем рассматривают следы. Получается, что этот кавказец сначала пытался выломать дверь, отбиваясь от насевшей нежити, а потом просто растаскивал кусающихся детенышей – а возможно, и взрослых – и распихивал их по пустым комнатам. Видно, что руки ему обгрызли сильно, но дорогу дочке он и впрямь расчистил. Силен мужик, уважаю. И в знак уважения оттащу труп за угол – чтоб для дочки папа еще остался живым. Андрей

помогает, так как покойный весит за центнер. Ну вот, это все, что мы можем сделать. Ну и, разумеется, помочь дочке.

Андрей невозмутимо обхлопывает карманы мертвеца. Вытаскивает ключи с брелками.

Заходит в коридор. Понимаю, что он ищет барсетку. Но, видно, кто-то из зомби вцепился в эту вещь и утащил с собой.

Николаич показывает наверх. Эвакуация детей проходит в штатном режиме.

Нам никто не мешает, не кидается из кустов и не прыгает с крыш. Но облегченно вздыхаем, только зайдя в холл. Далее уже привычно и отработанно переходим в лабораторию. Попавшиеся нам по дороге трупы дети воспринимают достаточно спокойно. Видно, весело у них вчера было – устали уже бояться, ступор у них. Пожалуй, через несколько дней реакция будет, пока как оглушенные. А вот повариха – та совершенно адекватна. Делаю ей комплимент на эту тему.

– Имя обязывает, – легко соглашается она.

– Это как? – несколько глуповато удивляюсь я.

– Так меня в честь дедушки назвали. КрасА – Красная Армия. Сокращенно, – лукаво стреляет глазами пожилая уже толстушка.

Ну, точно: и имя такое, и фамилия – очень модны были все эти псевдонимы у молодых ррреволюционеров: Максим Горький, Демьян Бедный, Серж Терпигорев...

В буфете народу набилось густо. Для детишек освободи-

ли стол и уж совсем было кинулись кормить, как вмешалась Краса и уточнила, что у детей диета, трое из четырех – аллергики, и взяла кормежку в свои руки.

У меня незаконченная санобработка беспризорника. Вместе с Андреем отправляемся домыть Сыкатого. Пока я его мою, Андрей деловито собирает все, что подвернулось ценного в кабинете дерматолога, особенно в плане лечения педикулеза. Что ж – во время бедствий именно этим тварям хорошо живется. Дельно запастись средствами для сокращения их поголовья.

Доведя пацана до приемлемого уровня грязности, отправляемся к сумкам с медикаментами. Крыса подвальная как-то финтит и, по-моему, очень не хочет туда идти. Когда из вестибюля заходим в холл с киоском – понимаю, что его крючило. Эти два уродца вывернули заботливо сложенные в сумки медикаменты и расшвыряли их по всему холлу. Да еще, похоже, не просто расшвыряли – полно мятых и разорванных упаковок. Поблескивают блистеры с таблетками...

– Приятно видеть такое трудолюбие: чтобы так все раскидать, надо минут пятнадцать в поте лица своего стараться на совесть. Я рад, что нам попался старательный и трудолюбивый человек. Сейчас ты возведен нашим командиром в ранг Крыса Подвальная. Вот, значит, сейчас ты уложишь все обратно в сумки. А все вылетевшие из коробочек блистеры с таблетками протрешь тряпочкой. От пыли. После этого выполнишь еще пару заданий – и получишь более высокое зва-

ние, – нет, определенно Андрей – неплохой психолог.

– Да это не я, это Мика! – топырится мелкий негодяй.

– Мика лежит в другом конце здания с дырой в голове.

Поэтому то, что вы тут вдвоем нагадили, убирать придется тебе. А мы с Доктором пока полюбуемся.

– Я пока в киоске пошарю – похоже, Сан Саныч не все собрал.

И действительно, Сан Саныч взял то, что он, не будучи медиком, считал нужным. Забрал, например, весь валидол – потому как любой советский человек точно знает: лучшее средство «от сердца» – именно валидол. А на самом деле этот чудо-препарат – банальные ментоловые таблетки. Рот, правда, освежают хорошо, но сердцу от них толку мало. А вот отличные противовоспалительные таблетки «Найз» оставил на полке.

Но нам-то они как раз пригодятся: у кого-нибудь заболят зубы, например, – и что мне с теми зубами делать? Мету все подчистую. И клизмы забрал, и перчатки. И презервативы туда же. И зубную пасту. Бедному вору – все впору.

Пользуясь тем, что пацан, злобно сопя, все еще собирает раскиданное, отзваниваюсь родителям и сообщаю все, что Валентина рассказала. У них в деревне все тихо и спокойно. Но какие-то слухи и дотуда дошли, так что все настороже. А у местных стариков и так уже давно система сигнализации есть: как утром человек проснулся, так занавесочку отдергивает на окошке, и остальные видят – все хорошо у человека.

Пока у всех все в порядке, вооружились кто чем смог. Отец везде с топором ходит.

Теперь то же – для братца. Братец съел все бутерброды, разгадывают с Мишкой старые кроссворды в старых журналах.

Им пообещали помочь, но пока все без изменений. Бомжики старательно объели Гутковского, но он все же обернулся, хотя и непонятно, как ему без челюстей теперь кусаться. И вся эта гоп-компания разбрелась. Прозектор вернулся к моргу и теперь стоит в простенке – стрельнуть в него никак не получается, руку так не вывернуть. Пытались приманить – не хочет двигаться. То ли остыл и «уснул», то ли понимает, что по нему будут стрелять. Вот и стоит как часовой – токо кусок плеча и виден. Решили дождаться следующего утра, чтоб гад ночью остыл как следует, и если выйдет к окну – все-таки пара патронов у них есть.

Сверху спускается процессия – Краса ведет двоих стрелков и двоих грузчиков за едой в детсад. Там ее немного, еды – обычно завозили не больше, чем на 2 дня, да и дети по аппетитам не слоны, но зато вся пища очень качественная. (Ага, так я и поверил! Для навороченных родителей качественная еда – это то, что дорого стоит и роскошно упаковано. Ну и, конечно, чтоб в Европе это было принято кушать. Ну, и в итоге кормят детенышей всяким химическим говном. Да и детишки с таким же воспитанием считают бигмаки и кока-колу крутанской вещью. Правда, есть в этом и положи-

тельная сторона – лекаря не останутся без работы. Гастриты в школьном возрасте – сейчас обычное явление. Да и не только гастриты. Здорового детеныша днем с фонарями искать надо. Так что знаем мы, что такое «качественное». Качественное и полезное – как сухой корм для кошек. Присадок вкусовых куча – кошка носом чует, что вкусно, а потомдохнет, потому что запах спецом присажен к жратве не шибко-то хорошей и кошке не полезной).

Деваха, которую, наконец, припахали и уже нашли для нее какую-то затрапезную куртень взамен оставленной кому-то из зомбаков короткой и форсистой, безнадежно бубнит, что ей надо домой, и она тут таскать мешки не нанималась. Но я вижу, что Краса с нее живой не слезет, и никуда деваха не денется.

Сумки собраны. Идем к детсаду. Попутно Андрей снимает еще двоих пришедших мертвяков. Обратнo валим уже кучей, но и эта куча не бесформенна – построение очень напоминает схему семьи павианов при переселении: из-за того, что стрелки должны быть маневренными, все приходится нагрузить на мирных жителей, и навьюченные мирные пыхтят в центре, а впереди и сзади самцы-защитники. Я, как на грех, попадаю именно в мирные жители... Коробок и пакетов оказалось многовато, но это приятная тяжесть.

Пора покидать поликлинику. Валентина напоминает, что нам стоит взять дежурную сумку с медикаментами и перевязочными материалами, подготовленную на случай ЧС в со-

ответствии с приказом Комитета по здравоохранению, нужный инструментарий и шприцы из процедурной и профилактического кабинета, а также подает резонную мысль: взять биксы с ватой и портативный стерилизатор. Пока ходим под прикрытием двух стрелков, она тихонько отмечает два момента:

1. Клей «Момент» с 1998 года выпускается с измененной рецептурой. Нюхать его сейчас бессмысленно. И его не нюхают. Потому называть нашего беспризорника «клеенюхателем» – не очень правильно. Лучше называть его токсикоманом. Бурчу, что спасибо, конечно, но мне вообще не интересно, чем эти кретины себе мозг оттаптывают. Валентина страшно удивляется – такой подход ей просто непонятен, она любит точность.

2. У нее произошел нехороший инцидент во время ночной работы: метаморф-хомяк, слолав более мелкого собрата и увеличившись непривычно быстро, неожиданно легко раздвинул прутья клетки своей башкой и отправился к клетке с живыми хомяками. К счастью, в лаборатории находилась наша поликлиническая кошка Мурка. (Валентина забрала ее с собой, чтоб не так страшно было). Ну, и она, как признанный крысолов, этого хомяка загрызла. При этом и хомяк несколько раз укусил Мурку за морду. Валентина отсадила Мурку в клетку, решив, что обратиться полностью она ей не даст – слишком крупный и в придачу хищный зомби выйдет для поликлинической лаборатории да еще с единственным лабо-

рантом, но Мурка чувствовала себя отлично, да и сейчас помирать не собирается. И что с животинкой делать? Подумав, решаем взять ее с собой. Если начнет помирать – пристрелить не вопрос, а так – хорошая животина, ласковая и крысоловная, чего еще хотеть от кисы?

Для беспризорника еще собираем одежду с бору по сосенке. Кое-что добывает в распотрошенном гардеробе Дарья. Пацан одет диковато, но тепло.

Суетимся много и долго.

Наконец, куча вещей и сумок – перед дверями. Николаич отзывает стрелков со второго этажа. Все слушают, что он скажет. Он и говорит, что сейчас мы все колонной из трех машин двинемся в Убежище. Этим убежищем будет для нас Петропавловская крепость, точнее – Монетный Двор, который в Петропавловской крепости – как Детинец, или Донжон, если по-западному. Начальник одной из смен охраны – его давний приятель. Вот Старшой всю ночь туда и отвозил всякое добро, чем усилил охрану, а нам разрешили там разместиться.

Порядок такой: впереди Андрей (стрелок) и Володя (водитель) на «Ровере», дальше – автобус со всеми женщинами, детьми, шмотками и прикрытием из Николаича (водитель) и Ильяса (стрелок), последним – «Логан» – Саша и я. Ну, кто где – понятно. Если что – действуем по обстановке. Связь – по мобилам, пока все еще работает.

Какие вопросы?

Дарья хочет ехать с сыном вместе.

– Без проблем. Принято.

Парень-компьютерщик спрашивает:

– А чего это мы в крепость едем – все же эвакуируются из города, а мы – наоборот, в самый центр прём? Ведь видно было, что здесь зомби попадаются гуще?

– Потому что Петропавловская крепость выбрана как укрепленное от проникновения любой нежелательной публики место. Ее такой специально строили. В средние века горожане всегда в крепостях спасались. Стены хоть и низкие, но зомби хрен заберутся. Ворота заперли – и держать оборону достаточно легко.

К крепости ведет всего два моста. Их можно достаточно легко перекрыть.

Крепость прикрыта Заячьей протокой, и зомби по воде не пройдут – крепостной ров и живым-то всегда мешал сильно, а как нам только что сказали – не любят они воду.

Рядом с крепостью – и тоже отделен Кронверкской протокой – Кронверк. Артиллерийский музей, по сути – арсенал с техникой и оружием. Большой частью – устарелым, но и нам не спутники сбивать придется.

Рядом – зоопарк, то есть места нежилые и малолюдные, зато отгороженные добротным забором от Петроградской стороны.

Весь участок можно сравнительно легко взять под контроль, особенно если удастся надежно защитить Восточный

Артиллерийский мост и Западный Артиллерийский мост. Получится практически два острова. Причем безлюдных.

Ну, а Монетный Двор – вообще режимное предприятие, оно еще дополнительно защищено от проникновения.

И последнее, не менее важное – крепость стоит на Неве. А Нева была транспортной артерией испокон века – еще до принятия христианства. Путь из варяг в греки, слышали? Значит, в случае чего – и эвакуироваться будет проще, чем по забитым транспортом дорогам, да и с другими выжившими связаться – тоже.

Так понятно?

Так понятно. Распределяем на «мирных» груз и начинаем перетаскивать все в автобус. Потом переводим детей, женщин. Николаич оставляет в автобусе, как прикрытие, Сашу и Ильяса. Остальную кучу стрелков ведет за угол – туда, где стоят машины. Андрей отдает связку ключей, взятую у папы Аревик, Вовке.

Тот достаточно шустро разбирается в управлении и под нашим прикрытием выводит агрегат к автобусу. Я попутно замечаю, что одна из «женских» малолитражек не заперта, и прихватываю автоаптечку с заднего сиденья. Вот, теперь у меня есть еще один кровеостанавливающий жгут. Да и вообще – пригодится. Набор медикаментов в аптечке дурацкий, но при грамотном подходе и от него польза немалая. Аптечек вокруг нас много – автомобильные есть в любой брошенной

машине.

В принципе, в них есть все, что может понадобиться в экстренной ситуации.

Поэтому у европейцев принято в первую очередь при ЧП использовать этот ресурс – например, остановить первую попавшуюся машину и попросить аптечку, если, скажем, сердце прихватило. Наши же люди в основном считают аптечку адским девайсом, созданным, чтоб ГИБДД-шникам было к чему цепляться. Даже при аварии забывают, что она у них есть. Видал, как рану драной рубахой затыкают. А сзади мирно покоится нецелованная коробка, в которой и бинты есть...

Золотое правило – лучше иметь аптечку, чем не иметь.

Можно мхом заменить вату, бинт – ремнем или драной рубашкой, но это все не с руки и работает плохо. Пусть лучше будет, но не пригодится, чем наоборот. Показываю стрелкам аптечку и говорю, что им стоит вообще-то разжиться такими, а жгут намотать на оружие. В ответ Николаич и Андрей ухмыляются и лезут в нагрудные карманы – показывают кончики жгутов. Тертые калачи, ага.

Возникла у меня, знаете, одна мыслишка, надо будет с Валентиной посоветоваться.

Залезаем по машинам, переводим дух. Теперь у Саши опять «Гаубица», и он снаряжает патронташик, пока я высказываю все, что думаю на тему разряженного оружия вооб-

ще и нашей конкретной халатности в частности. Сам снаряжаю свою «Приблуду», попутно отмечая, что наша маленькая компашка разжилась еще тремя короткостволами, хоть и неважнецкими, но у подавляющего большинства населения нашего города и такого нет. Один из своих ТТ отдаю Дарье Ивановне. Она и с «Хаудой» справилась недурно, а так еще лучше будет.

«Ровер» мигает фонарями и выползает на улицу. За ним движется автобус. И следом – замыкающими – мы. Теперь – в крепость.

* * *

Тот бункер, куда Виктор сейчас ехал, был уже вторым. Первый бесславно накрылся несколько лет тому назад, но это было скорее полезно – Витя многому научился. В первую очередь, научился грамотно выбирать место для бункера. Тогда, выбрав уютный пригорок и начав его обживать, он не подумал, на какой глубине будет стоять вода. И заботливо выкопанный и обустроенный бункер озадачил уже весной – все внутри отсырело, а воды на полу было по щиколотку. Попытки незаметно отвести воду ровным счетом ничего не дали, пришлось тупо откачивать. Пока возился с этим – вспучились стены, с любовью облицованные стругаными досками. Но и это, и даже то, что склад продуктов оказался тоже затопленным, было не самым худшим. Витя понятия не

имел, что удачно разместил свою тайную базу в местах, где бои во время Отечественной войны шли ожесточенные и затяжные.

В паре километров был опорный немецкий пункт с кучей блиндажей. Там немцы, представлявшие разные тыловые службы, жили долго, оставив в многочисленных помойках горы бытового мусора, а в блиндажах – даже мебель, натасканную из ближайших деревень. Потом, когда их колонна отходила по лесной дороге, им не повезло: догнала пара советских танков, раскатав колонну на марше вдрызг – мягонькие оказались штабники-тыловики, хоть и принадлежали к нашумевшей в то время элитной дивизии. Раздавленных немцев даже не похоронили, и весь хлам остался валяться на лесной дорожке и в канавах по ее обочинам.

А в четырех километрах еще в 41 году неделю ожесточенно дрались артиллеристы гаубичного полка РККА и полегли почти все. Чуток поодаль через пару лет держали позиции парашютисты Рейха – и им тоже досталось полной меркой. И это были только те драки, о которых Вите потом рассказали, а сколько всего было стычек и боев в этих местах – и оставшиеся местные не знали.

Большая часть бывших тут до войны деревень либо не пережила войну, либо во времена Хрущева пришла в упадок из-за централизованной ликвидации конского поголовья (а тракторам работать в этих болотистых местах было мученьем), либо окончательно была добита при укрупнении и

централизации. Была такая манера у Никиты Сергеича – свозить колхозников из малых деревень в центральную усадьбу и селить в многоэтажных домах, но с печным отоплением и туалетами на улице...

Безлюдье оказалось, тем не менее, весьма относительно – район был «вкусным» для поисковиков, или чОрных копателей, как их величали не разбирающиеся ни в чем, но любящие хлесткие заголовки журналоги. Тут работали на вахтах памяти и официальные поисковые отряды, собиравшие останки советских солдат, валявшиеся по лесам все эти годы, тут рыскали и неофициальные одиночки, и группы, занимавшиеся кто чем.

Разумеется, столь популярные на телевидении идиотские сюжеты о продажах международным террористам найденных этими «черными следопытами» тонн взрывчатки и складах «Шмайссеров» в смазке были чушью. Такой же чушью были и рассуждения о том, как легко жируют черные следопыты, продавая останки немецких солдат в Германию по 30 тысяч евро за комплект, как они сотнями продают «Рыцарские кресты с бриллиантами» и потом разъезжают по лесам на «Бентли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.